

ВЕРА ЧИРКОВА

Княжна из клана Куницы

Книга вторая

Выбор судьбы

Княжна из клана Куницы

Вера Чиркова

Выбор судьбы

«ЭКСМО»

2014

Чиркова В. А.

Выбор судьбы / В. А. Чиркова — «Эксмо», 2014 — (Княжна из клана Куницы)

Если новоиспеченный жених сбегает среди ночи из крепости невесть куда, даже словечка не сказав ещё до конца не доверившейся ему невесте, что остаётся делать ей, гордой княжне из клана Куницы? Разумеется, тоже бежать, ловко и незаметно обойдя целую кучу оставленных для охраны воинов, и вверить своё будущее изменчивой судьбе, дальней дороге да случайным встречам. А ещё неожиданно зародившимся чувствам, робко пытающимся прорваться сквозь строгое воспитание и врождённое благоразумие. И никому не дано знать загодя, какие встречи и происшествия станут судьбоносными и куда приведёт справедливую куницу ее тропа.

© Чиркова В. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	33
Глава седьмая	39
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вера Чиркова
Княжна из клана Куницы.
Книга вторая. Выбор судьбы

© Чиркова В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава первая

Несколько вёрст, пока не проехала Росеть, Веся гнала тэрха так, словно погоня уже наступала ей на пятки. Но добравшись до моста через небольшую речушку, названия которой не знала, девушка разрешила зверю бежать медленнее и задумалась. Вскоре будет деревушка, стоящая на развилке дорог, и, стало быть, пора решать, по какой из них двигаться дальше.

Разумеется, можно было попытаться разузнать у местного трактирщика, не проезжал ли тут отряд Береста и куда он направился, но в её положении это далеко не самая лучшая идея. Все трактирщики в этих местах наверняка хорошо знают Дикого Ястреба, и соврать, будто она отстала от отряда, если Берест поехал через Росеть, не удастся. Трактирщик мгновенно поймает ее на лжи, те, кто отстает, обычно знают, какой дорогой едет командир.

Само собой, Веся легко уйдет и от трактирщика, и от его людей: тэрх и Рыж – хорошие помощники. Ей даже стрелять не придётся. Но было бы большой оплошностью надеяться, будто после такого ухода в следующей деревне или через одну её не будут встречать вооружённые селяне и стражники.

Можно было поступить иначе, просто направиться на юг по дороге, ведущей в сторону границы. И к вечеру куница будет в небольшом городке, стоящем на широком тракте, ведущем от Ставина к западным землям. Но там у Веси нет ни друзей, ни хороших знакомых, а возможность ночевать в трактире она отбросила сразу. Нет, обидеть ее никому не удастся, наоборот. Теперь Веся сама боится, как бы не наказать кого-либо слишком строго.

Но слишком уж приметна одинокая девушка, путешествующая на тэрхе и с рысью за спиной, чтобы не привлечь внимание всех, кому не лень. В том числе и чародеев, встреч с которыми до сих пор ей удавалось избегать. И в том большая заслуга батюшки, не пускавшего в Ясновень ни одного из них.

И раз так, выходит, особого выбора у неё нет. Нужно ехать в Ставин, крюк не такой уж большой, всего полдня, зато там у отца есть свой дом, как, впрочем, у всех глав старших кланов. В том доме постоянно живет одна из Весиных тётушек, и вот она обычно знает все новости. Да и пора уже отправить отцу обещанное письмо, а из Ставина это сделать проще всего.

Заезжать в трактиры княжна так и не решилась, заметив в стороне от дороги овраг, огляделась и, убедившись, что дорога пустынна, свернула туда. Рыж поохотился весьма неплохо, сначала приволок зайца, которого Веся сочла недостаточным завтраком для двоих зверей и целиком отдала Проныре, а затем небольшого козлика, несомненно осеннего окота.

Куница не стала свежевать его тушку, просто вырезала себе на жаркое несколько ломтей мякоти и поделила остальное между питомцами. И пока звери доедали свою часть добычи, нарезала один ломоть мяса тонкими пластинками и поджарила на прутике над небольшим костерком, устроенным меж двух валунов. Соль в мешке у опытной путницы была всегда, несколько сухарей тоже нашлось, а в кружку с подогретой водой Веся капнула душистого настоя лимонника.

И вскоре, натянув самую простенькую из своих масок, девушка скакала дальше, не обращая внимания на заинтересованные взгляды изредка попадавшихся путников. Как встречных, так и едущих в Ставин. Их Веся обгоняла решительно и молча, в дороге принято рассказывать попутчикам, куда и зачем ты едешь, а как раз к этому она пока не была готова. Да и неизвестно, как отреагируют они на правду, а лгать незнакомцам опасно, у них могут оказаться амулеты или, хуже того, дар.

И ведь никогда не распознаешь по одежде, с кем довелось встретиться! Все бывалые путешественники одеваются в дорогу почти одинаково, в удобные и неброские потертые штаны и куртки, которые не жаль испачкать или случайно порвать. Потому-то так резко выделяются

на дороге отпрыски богатых горожан и отправившиеся на ярмарку селяне, еще дома наряжающиеся в лучшие одежды. Вспомнив про ярмарку, Веся огорченно вздохнула, ей приходилось после того, как пару раз попала там в беду, старательно избегать этого удовольствия. Но лишь теперь девушка в полной мере оценила не замеченную прежде тонкость – отец с матерями не приметно, но успешно ей в этом помогали.

Въезжать в Ставин через северо-западные ворота Весенике приходилось редко, всего второй раз, если точно, потому-то она и не сразу разобралась в путанице нешироких улочек. А когда наконец определила, где находится, то повеселела. Оказалось, ближе и быстрее всего добраться до стоящего почти в центре дома через садовую калитку, а этот путь был княжне хорошо знаком. Уже через четверть часа она стояла возле крепкого забора из дубовых плах высотой в полтора ее роста, копаясь в кошеле в поисках любимого пинцета, замок входа, называвшегося чёрным, предсказуемо оказался заперт. Конечно, самой Весенике, как и Рыжу, ничего не стоило перемахнуть через этот забор, но вот тэрха всё-таки лучше было провести через калитку.

– Ты кто и чего тебе тут нужно? – строго спросил над головой Веси хорошо знакомый голос, и она не удержалась, чтобы не пошутить.

– Охрана Ставина. Ищем девушку, плюнувшую в лицо уважаемому хозяину карусели, – стараясь говорить хрипло и грозно, ответила княжна.

– Ой! – раздался испуганный вскрик, что-то прогрохотало по ступенькам лестницы, ведущей на крышу сторожевой будки, приделанной к забору со стороны сада, и послышался лёгкий топот удаляющихся шагов.

С минуту Веся пыталась сдержать хохот, потом, просмеявшись, успокоилась и задумалась. Поскольку охрану в этой будке сажали только в случае, если в доме гостил кто-то из домочадцев князя, а сейчас дежурила племянница тетюшки со стороны мужа, отчаянная Тальма, стало быть, в доме уже есть гости. Больше всего княжне не хотелось бы сейчас встречаться с Сангром, и, хотя она надеялась, что у дяди нынче полно других забот, он вполне мог приехать в Ставин по поручению отца.

Но во всех случаях поздно поворачивать назад или пытаться скрыться. Несмотря на горячность, Тальма довольно наблюдательная девушка и опишет незваного гостя со всеми подробностями. Веся небрежно погладила морду нетерпеливо переминающегося Проныры, и зверь неожиданно лизнул ее руку шершавым языком.

– Ах ты хитрец, – восхитилась девушка. – Значит, отлично понимаешь, когда о тебе заботятся! Так может, мне уже и без браслета можно на тебе ездить?

Но проверить крепость установленных с тэрхом дружеских отношений не успела, с той стороны забора зашуршал песок под решительными шагами, заскрипел в замке ключ, и калитка резко распахнулась.

Непримиримо зашипел Проныра, обнаружив стоявшего за ней человека, но Рыж уже прыгнул тому под ноги и, выгнув спину, радостно заурчал. А княжна пораженно замерла, не в состоянии не только вымолвить хоть слово, но и понять, каким образом он мог оказаться тут так скоро?!

Крепкий мужчина, едва рассмотрев возникшую в проеме калитки троицу, принялся действовать с неумейной решимостью. Резко схватил Веся за руку, торопливо втащил внутрь, затем высунул голову наружу и внимательно осмотрел узкий, тихий проулок, где не бегали даже мальчишки. А убедившись в отсутствии слежки быстро захлопнул калитку, повернул ключ на три оборота и оставил его в замке.

И лишь после этого повернулся к ошеломленно следившей за его действиями девушке и крепко притиснул ее к груди.

– Дочка... – Чуть отодвинув от себя княжну, Радмир сорвал с ее лица маску, взгляделся в расцветающие в фиалковых глазах изумление и радость и полуутвердительно спросил: – Сбежала?!

– Да... – задумчиво подтвердила Веся, но тут же, поймав в его нахмурившихся глазах знакомую озабоченность, поправилась: – Но это не то, чего тебе подумалось! Я другое не пойму, ты-то здесь откуда?

– Обедала? Давно едешь? Сначала перекусишь, потом поговорим. – Князь уже вел её к дому. – Никаких разговоров на пустой желудок!

– Подожди, я хоть зверя привяжу... Он не голодный, но со скуки может пожевать всё, до чего дотянется.

– А может, отпустим его? Выдаст тебя... – Отец не договорил, тревожно всматриваясь в лицо дочери, и Весеника начала понимать, насколько неверно он понял ее появление здесь.

– Отец... я же сказала, ушла не насовсем... давай всё-таки сначала поговорим...

– Кто там, князь? – выскочил из-за угла навстречу им молодой мужчина, и сердце Веси сжалось в нехорошем предчувствии.

Нечего ему было делать тут, да еще и рядом с отцом.

– Веся?! – рассмотрев девушку, сорвался на шепот Тадор и ликующим голосом повторил: – Веся!

– Не подходи! – сквозь зубы процедила княжна, разом припомнив его слова, и, хотя все эти дни она изо всех сил старалась их позабыть, ни одно почему-то не забылось.

И ничего не простило пораненное предательством сердце.

– Но Веся... – Он еще надеялся что-то ей объяснить, однако девушку уже несло на волнах вскипевшей в памяти обиды.

– Никогда... слышишь! Никогда даже близко ко мне не подходи! – рассерженной змеей прошипела княжна и позвала, по-особому щёлкнув пальцами: – Ныр!

Два зверя немедленно возникли рядом с ней, Рыж скользнул вперёд, встав у ног хозяйки и оскалившись, а клыкастая морда Проныры нависла над плечом, с мрачным интересом рассматривая человека, которого зверь уже успел невзлюбить.

– Веся, успокойся, – попытался погладить дочь по плечу князь и едва успел отдернуть руку от яростно клацнувшего зубами тэрха. – Темные силы! Ну и клычищи! Идем в дом, там спокойно поговорим!

– Прости, отец! – выхватила из его руки свою маску куница. – Но пока этот человек в нашем доме, моей ноги тут не будет! Я княжна, а не селянка... ты сам так воспитал! И есть вещи, которые не смогу простить никогда! Прощай... я захала только узнать новости и послать тебе письмо... теперь это уже не нужно.

– Тадор! – обернулся к потемневшему лицом воину князь. – Ты собирался посмотреть оружие у Илнера?

– Не нужно, – покачала головой Веся, – пусть остается. Неспроста же ты возишь его с собой? Лучше уеду я. Поверь, я в самом деле проездом.

– Я тебя провожу.

– Нет, не ходите никуда, – горько пробормотал Тадор. – Раз так, ухожу я, у меня вещи в трактире. Приду завтра утром... прости, Радмир.

– Чем он тебя так рассердил? – проводив взглядом ушедшего за угол воина, осторожно осведомился князь.

– Идем, посидим пять минут в беседке, – сдалась Веся, глядя на расстроенного отца, – потом я поеду. Но знай, какие бы слова он теперь ни говорил, поверить я больше не смогу. Он считал меня своей собственностью... законной добычей... почти признался, что пас, как тельца на убой, дожидаясь срока... И всё это высказал вслух, при всех... и едва не выдал мою тайну... даже рот уже открыл... пришлось пригрозить.

– Но от княжичей ты ведь сбежала?!

– Даже если бы я сбежала, – нахмурилась Весеника, – бросовым товаром, каким можно дыры затыкать, все равно бы не стала! Но я не сбежала... смотри!

Княжна подняла рукав на левой руке и показала отцу сиявший камнями браслет.

– Вот как! – Особого счастья в голосе князя почему-то не появилось. – И кто же мой зять? Или ты еще не отдала свой браслет?

– Нет... пока не отдала. И не потому, что в чём-то сомневаюсь... – Веся оглянулась на просвечивающие кусты и дала неотступно следующему за ней Рыжу команду охранять. – Просто браслет я взяла у Береста.

– Темная сила... – схватился за горло Радмир.

– Отец! – Вцепившись в руку князя, Весеника добавила ему силы, огорченно отметив, как снова шумит осенним березняком сердце у батюшки. – Так ты и имя знал! Успокойся, уже все хорошо! Слетело ведь проклятье, лишь только я браслет взяла. А старый мельник, дед Береста, нас прикрыл. И у Илстрема мы уже были... Ансерт ему рассказал, будто проклятье начало спадать, едва они въехали на земли куниц.

– И он поверил?!

– Кто его знает... но останавливать нас не стал, когда мы в Кладез отправились.

– Подожди... я не успеваю сообразить... столько новостей! А я чего только не передумал... когда Сангр написал, как княжичи тебя на его заставе бросили! А теперь еще и ты ушла...

– Они меня в отряд приняли... – тяжело вздохнув, призналась Веся, хотя еще полчаса назад и не думала никому объяснять такие подробности, – полный ритуал сделали... на крови. А ночью всем отрядом вдруг куда-то умчались и даже попрощаться не разбудили! Как будто этот ритуал проводили только для виду, чтобы меня задобрить! А мне такого не нужно... я тоже воин... ничем не хуже их. И устала не больше ястребов... наоборот, они два конца от Кладеза до Ясновеня проделали, а я один, они все ранены были, а я – нет.

– Но Веснушка... – осторожно погладил руку дочери князь, – ты же умная девочка, понимаешь, как ястребы воспитаны! Они в своём клане привыкли женщин, как стеклянные окна, оберегать... Им ведь чрезвычайно трудно перешагнуть через воспитание. Как можно девушку разбудить среди ночи?!

– Всё это я понимаю... потому и прощу их всех. Но сначала пусть они поставят себя на моё место и поймут, каково это – узнать, что весь отряд умчался на дело, а тебя оставил с зелёными учениками?

– А письма... или какого объяснения не оставили?

– Не знаю. Ходить по Кладезу и расспрашивать, не оставил ли мне жених письма, я не могла... там бы с меня потом глаз не спустили. И выяснять, кого ещё не взяли, тем более не могла... там одна мечница на него с вечера права предъявляла. Неприятно было бы узнать, что меня оставили вместе с нею. Но и это не главное... поверь. Самое страшное – это представлять, как твои соратники воюют и, может, даже погибают, когда я спокойно валяюсь на перине... У меня от таких мыслей вся душа переворачивается. Вот потому я и тут не останусь, прости. Поеду на юг, ты ведь слышал, зачем Шангор рать собирает?

– Слышал... затем я и здесь, и не один. Как только лед чуть сошел, мост опустить приказал... днем и ночью скакал, в возке спал. В ближнем трактире отряд оставил... сейчас отправлю за десятком. Одну тебя не пущу, и не надейся. Вот окажешься возле жениха, тогда пусть он за тебя отвечает... – решительно высказал свой приговор князь, – и не спорь. Но будь осторожна... Илстрем в этот раз попросил помощи чародеев... потому я за тебя так и переживал. Держись от них подальше, они давно тебя найти мечтают. Мы ведь с матерями в тот год обманули чародея, который с проверкой приходил. Выдали за тебя Осинью, ты на заимке была, а она как раз простыла... в жару лежала. А дар у неё послабее... вот с той поры они так и считают.

– Нужно было мне всё это рассказать, – огорчённо вздохнула Веся, – а от десятки не откажусь. Но вовсе не чужих опасаясь. Не верю я Тадору. Не хотела говорить... но раз уж так сложилось... Это ведь он слух пустил про Стрелку и Колючку и сейчас вполне может мне наперерез поехать. В нём злости больше, чем любви... С такой ненавистью на меня даже степняки никогда не смотрели.

– А Берест? – осторожно спросил отец, внимательно вглядываясь в лицо дочери.

– Кабы точно знала, что простит мне то зло... уже отдала бы браслет. Но пока не знаю... такое трудно простить, ему ведь много хуже, чем мне, пришлось.

– Я знаю... – тяжело вздохнул князь. – Всё верно ты сделала. Я и не надеялся... А теперь идем обедать, пока отряд приедет, как раз успеешь. Чем ты своего зверя кормишь?

– Рыж охотится, им на двоих хватает и мне остается, – пояснила княжна, поднимаясь со скамейки вслед за отцом. – Хорошо, на полчаса задержусь. Тебе передали про видение Ансерта?

– Да. Мы там народ уже собрали, решили заставу строить. И селянам защита, и путникам спокойный отдых.

– Славно. А то я за них переживала. Сангр со своими выходками мог совсем из виду рощу-то выпустить. Это ведь он ястребов подбил меня на заставе оставить... специально песнями разжалобил. Конечно... я на него уже не сержусь, но поначалу была зла, как шатун.

– Ну и правильно, что зла не держишь... Людям трудно расставаться со своими мечтами. – Радмир поднялся на крыльцо и распахнул перед дочерью дверь. – Иди умывайся. Я пока Тальму пойду успокаивать, запугала девчонку.

– Так где, говоришь, он тебя догнал? – вроде бы небрежно спросил князь, глядя, как Веся, переодетая в домашнюю юбку тетюшки, уминает курник.

– Когда я такое сказала? – изумленно подняла бровь княжна.

– Ну, могла сказать.

– Не могла. Я целительница. Меня учили лишнего не говорить. Я тебе и так много чего сегодня сказала... Но это за подмогу... когда уезжала, не успела спасибо сказать.

– За что... объясни?!

– За тайну, которую столько лет хранил... За Марилю. И за себя... если мне повезет распутать старый узел.

– А ты не торопись. И не особо показывай свои колючки. В тебе добра-то намного больше, чем в других. Народ не обманешь, – вздохнул князь, – потому и хотел тебя в своих землях оставить. Но теперь поздно о том говорить. Сварг примчался снежным вихрем... аж трясся... Кто-то из девчонок ему про Марилю весточку отправил.

– Ну, так ты же не стал вредничать? – подняла от курника лукавый взгляд Весеника.

– Хотел сначала... не смог. – Радмир усмехнулся своим воспоминаниям. – Я же не зверь. Мариля у жениха браслет взять не успела, как свой отдала. На равноденствие свадьба.

– Как я за них рада, – вздохнула Веся и решительно поднялась из-за стола. – Все, иду переодеваться. Пора ехать... беспокойно мне.

– Иди, – хмуро кивнул князь, – тетка тебе уже сумы увязала. А я тебе приданое привез... тут пока оставить? Или в Кладез отправить?

– Пусть тут лежит. Будем возвращаться, сама заберу, – подумав минуту, объявила Веся и ушла, не заметив, как облегченно перевел дыхание отец.

Нелёгкий дар ему достался... чувствовать важность решений и событий и предугадывать их последствия. Потому иногда он упорно не ввязывается в споры, когда все остальные ждут от него вмешательства, и решительно стоит на своём в совершенных, на посторонний взгляд, пустяках.

Глава вторая

– Тут такая тоже не проезжала, – вернулся объехавший все трактиры Лирсет, – такое чувство, будто мы ищем невидимку.

– Не могла она не догадываться о погоне, вот и объезжала села стороной, – мрачно произнес Даренс, следя, как прислужники подтаскивают на столы еду. – Я предлагаю послать отсюда весточки во все крупные городки и села, которые нельзя объехать, и отправиться поспать.

– Наконец хоть что-то умное сказал, – съязвил Ансерт. – Лично я от усталости уже готов прямо тут под стулом лечь.

– Зачем же я комнату для тебя нанимал и теплой воды налить в лохань приказал? – невесело пошутил подошедший к столу Берест. – Можно было сберечь серебришку.

– И мне есть комната? – живо заинтересовался Ранзел. – Гуся я могу грызть и лежать в кровати.

– Весь второй этаж наш. Первые пять маленьких комнат справа десятникам, остальные для воинов.

– Комнатки мне и маленькой хватит, лишь бы десятки были полными. А они у нас пока куцые, – устало напомнил Лирс, но ему никто не ответил.

Хотя насчет десятков Лирсет был прав, в отряде пока меньше тридцати человек и по давним правилам все воины делятся между княжичами поровну. Правда, перед уходом из Кладеза Берест приказал Зарвегу послать вызов всем старым соратникам и передать им, чтобы сразу направлялись в южную крепость. А тем, кто успеет прийти в Кладез до получения весточки, отправиться вместе с девушками, как только прибудут новые тэрхи.

Брать в отряд всадников на лошадях Дикий отказался наотрез, они сильно задержали бы остальных.

Все торопливо жевали, мечтая как можно скорее оказаться в постелях, решение о ночлеге Берест принял в одиночку всего несколько минут назад, когда разговаривал с трактирщиком. Просто оглянулся на своих людей, удивленный необычной тишиной, и понял, отчего в кои-то веки трактир не вызывает у парней никакого желания шутить и радоваться. И стало быть, о ночном переходе лучше забыть.

Предупреждённый командиром трактирщик, закрывший на эту ночь свое заведение для всех прочих посетителей за дополнительную плату, разбудил воинов, едва рассвело, но никто не роптал.

Каким-то особым чутьём преданные соратники уже осознали, насколько ершистая куница сейчас для Дикого Ястреба важнее всех прочих дел, и деликатно помалкивали. Не желая нечаянно задеть чувства командира, которого уважали и которым гордились не только за умение приводить своих воинов к победе там, где отступили бы другие. В большей мере его ценили за внимание к бедам соратников и справедливость в решениях и выборе наград и наказаний.

Завтракали воины и княжичи торопливо, с тревогой поглядывая на прибежавшего от городского главы посыльного с догнавшими Береста указаниями князя. И не ошиблись.

– Отправляемся через полчаса, – строго скомандовал Дикий, пробежав глазами приказ и поднялся из-за стола.

И в этот миг вдруг вскрикнул побледневший Ансерт, схватился руками за голову и повалился грудью на стол.

– Отравили... – понесся по трактиру встревоженный шепоток, но алхимик уже поднял побледневшее лицо, зашарил возле себя рукой в поисках кружки с отваром.

– Степняки... переправа в низовьях Хорога... возле Туры... – еле слышно пробормотал он, проглотив питье.

– Выезжаем немедленно, – тут же сменил собственный приказ Берест, вмиг оказавшийся рядом с братом, и бережно обхватил его за плечи, помогая подняться.

Нет у него сейчас времени проявлять деликатность и ожидать, пока подействует принятое Ансом зелье, Тура всегда была для ястребов слабым местом.

О том, что Проныра не раз путешествовал с лошадьми, Веся догадалась сразу, зверь совершенно не обращал внимания на животных, которых на воле считал бы добычей. Но идти позади них не желал ни в какую, и княжна отлично понимала почему: учил этого тэрха Берест, а он всегда ехал впереди. Но объяснять это Долену, десятнику прибывших по зову князя воинов, куница не собиралась.

Да и батюшка сказал при всех весьма ясно и твёрдо:

– Долен, эту девушку ты знаешь, свой путь она выберет сама. Твое дело – охранять. Как доберется до отряда Дикого Ястреба – встанешь под его начало.

За то краткое время, которое Веся погостила в родном доме, предусмотрительный князь успел подготовить многое, но это было известно только княжне. И карту ей выдал, где отметил жилье надёжных людей, и трактиры, в каких достаточно показать его знак, чтобы получить все лучшее. Некоторые из этих местечек княжна знала и раньше, об иных догадывалась, а вот парочка адресов девушку неимоверно поразила. И в одно из таких мест отец велел заглянуть непременно.

– Я уже послал письма надёжным друзьям в Росеть, к вечеру жду ответа. Как получу новости, сразу отправлю для тебя вот сюда. В другие места у меня голубей нет, а куда есть – тебе не по пути или далеко крюк делать. На привал там не вставайте... просто попроси, чтобы продали хлеба. Дальше он и сам все обстригает, не знаю... с чем даст восточку, не отказывайся ни от какого дара.

– Ясно, – серьезно ответила куница, а чего уж тут не понять! Ради ее счастья отец открывает целому десятку людей своего самого тайного доносчика.

Почему отец велел купить там именно хлеб, княжна сообразила, когда увидела вывеску над крыльцом дома, к которому привела отряд, минуя широко распахнутые двери манящих запахом жареного мяса трактиров. Долен только мельком глянул в их сторону, но не сказал ни слова. О сложившемся у него своем собственном мнении по поводу происходящего Веся поняла по тщательности, с какой её охраняли, но только посмеялась про себя, и не подумав ничего говорить вслух. Все равно не поверит десятник, будто княжна возвращается к жениху добровольно, а не едет под деликатным присмотром отцовских воинов. Да и кто бы поверил на его месте?!

– Булочная закрыта! – сердито возвестил из-за двери мужской голос, когда Веся прямо с тэрха подергала шнурок молотка, привязанного над прибитой у входа медной тарелкой.

– Но нам только хлебушка! Мы тут однажды покупали, с тех пор только вашего хлеба и хочется! Я заплачу, сколько скажешь.

– Ладно... – помолчав, сердито отозвался хозяин, – не отстанете ведь! Плати серебрушку, сейчас вынесу.

– Вот, – с готовностью высыпала Веся в просунувшуюся в отрывшееся оконце руку несколько монеток, – бери. Только хлеба дай.

– Держите, – нижняя половина двери открылась, и оттуда вытолкнули пару камышовых плетенек, доверху наполненных румяными ковригами и калачами. – А это тебе, за щедрость, – мозолистые руки сунули Веся соломенный коробок с пончиками.

Дверь тотчас захлопнулась, защёлкали засовы, и спутники Веси, повеселев, подхватили на седла корзины, от которых шел соблазнительный дух хорошо пропеченного хлеба.

Возвращаться Долен не стал, он знал на другом конце этого небольшого городка еще один трактир и направил туда своего коня, успев смириться с привычкой упрямого тэрха бежать впереди отряда, объяснил дорогу княжне.

Руки куницы так и тянулись к содержимому корзинки, но вовсе не затем, чтобы взять хрустящий румяный пончик, присыпанный розовой сахарной пудрой. Ей не терпелось достать письмо, которое должно было лежать под этим лакомством, но она вновь и вновь заставляла себя потерпеть еще немного.

– Вот эта комната твоя, – придирчиво изучив предложенные хозяином спальни, выбрал Долен ту, которая находилась между двумя другими в конце коридора.

– Хорошо, – кротко согласилась Веся, ей было совершенно безразлично, где спать, – я поужинаю здесь. Закажи для Рыжа котелок вареной требухи и сбоев, а мне варенец, я с булкой съем.

В подтверждение своих слов девушка взяла из корзины с хлебом калач и вошла в спальню, унося свой мешок и подаренный короб.

– Слышал? – строго глянул десятник на трактирщика, дождался, пока на ступенях лестницы стихнет звук его шагов, и пошел следом за княжной. – Весеника! Нужно закрутить ставни, еще не жарко... зато спокойно.

– Закручивай, – так же покорно согласилась княжна, и воин немедленно принялся за дело.

Придётся все же с ним объясняться, с досадой вздохнула Веся, глядя, с каким усердием Долен затягивает барашки на винтах. Так туго, чтобы тонким девичьим ручкам точно не хватило силы их открутить. Однако объяснить десятнику всю глубину его заблуждения княжна решила немного позже, после того, как прочтет послание и поужинает.

– Вот, кушайте. – Шустрый паренек принес кувшинчик для княжны и котелок для Рыжа, и Веся первым делом проверила, не слишком ли горяча в котелке еда и не насовал ли туда хозяин костей. Затем поставила его на пол и решительно выдворила и прислужника, и десятника.

– Мне нужно умыться и переодеться, иди поешь. Если потом сразу спать не ляжешь, приходи, побеседуем.

Долен глянул на девушку с опаской, но ни отвечать, ни спорить пока не стал, просто вышел из комнаты и, дождавшись, пока изнутри щёлкнет засов, запер ее снаружи.

Несчастно скривился, представив, как отстегает его завтра за такое обращение язвительный язычок Колючки, и направился в соседнюю комнату, где подавальщик расставлял по столу миски с едой для воинов. Оставлять доверенную его заботам княжну без присмотра Долен не собирался ни на минуту.

И неимоверно удивился бы, узнав, что куница не обратила никакого внимания на осторожный лязг засова, хотя отлично его расслышала, хозяин трактира явно жалел масла на содержание запоров и защелок в надлежащем виде. И это тоже ничуть не волновало девушку, занятую в этот момент важным делом.

Безжалостно высыпав на хлебницу полученные пончики, она торопливо шарила по дну короба в поисках послания. Однако вырезанное из бересты донце лишь стыдливо алело присыпкой, как не оправдавший доверия посланник.

– Не может быть! – Веся неверяще изучала дно, пока не додумалась подцепить его кончиком кинжала и вытащить из короба.

Сложенный вчетверо листок, спрятанный меж двух слоев донца, выпал ей в руки, и девушка тотчас развернула его дрожащей от нетерпения рукой. Прочла раз, неверяще помотала головой и принялась читать во второй, сосредоточенно хмурия брови.

Потом шлепнулась на скамейку, задумчиво подтянула к себе миску и ложку и принялась есть варенец, изредка откусывая кусочки калача. Но думы ее в этот момент были далеко отсюда,

собирали и складывали по-новому все известные кунице события, знаки приворота на кровати жениха, злое лицо Ниренты, тихий уход княжичей посредине ночи.

Так вот, значит, куда они помчались так поспешно! Ловить одарённых девиц, покусившихся на свободу их командира! И хоть немаловажное оправдание ночного поступка у ястребов появилось, да для Веси оно не значило абсолютно ничего.

И понять это легче всего, если поочередно смотришь на дело с разных сторон. Со стороны княжичей – вылазка за злоумышленницами их личное дело, посвящать в которое невесту командира они не обязаны. А если глянуть со стороны Веси – вовсе не важно, невеста она или нет, раз они приняли ее в отряд и признали равным себе воином.

Ведь если, не дай духи, Тадор сумеет устроить бывшей напарнице какую-нибудь каверзу и княжна ночью втихомолку уйдет из дома ястреба ловить обидчика, все пятеро княжичей оскорбятся насмерть.

Зато теперь понятно, почему они с такой скоростью помчались на юг, не дав воинам передохнуть даже нескольких часов. Доверенный человек отца был превосходно осведомлен о делах и поступках Береста. Княжна даже заподозрила было, будто это кто-то из постоянных обитателей Кладеза. Но потом она сопоставила время, за которое соглядатай собрал сведения и некоторые детали, о которых он не упомянул, и успокоилась. Похоже, он все же живет в Росети, иначе отец заранее знал бы о ее побеге. Да и еще о некоторых вещах.

Стало быть, Весе необходимо срочно немного исправить намеченный ранее путь, чем скорее она встретится с ястребами, тем лучше. Если бы куницу спросили, чем это лучше, сразу она, пожалуй, и не нашла бы вразумительного ответа, просто каким-то шестым чувством ощущала – сейчас ее место там, рядом с ними.

Княжна еще раз внимательно перечла письмо, повторила для памяти все важные сведения и открыла дверцу фонаря. Сунула кончик бумаги к трепещущему язычку пламени, дождалась, пока он торопливо переберется на скрученный листок, и перенесла в очаг, следя, чтобы послание сгорело дотла, не оставив ни клочка. И только после этого, спокойно вздохнув, занялась обычными делами.

Долен пришел, когда Веся уже убрала со стола, приготовила постель и одежду на утро и начала сомневаться в желании десятника с ней разговаривать. И тут нарочито громко лязгнул засов, и только потом осторожно стукнули в дверь костяшки крепких пальцев.

– Колючка?

Вот как, насторожилась княжна, зовет ее по прозвищу, значит, пришел не один. Выходит, верно она поняла, не доверяет Дол бывшей соратнице. Но хоть и тянет ей от подобных сомнений сородичей скулы, как от незрелого крыжовника, но и упрекать воина в том нельзя. Доверчивые да бесшабашные долго не живут.

Так и она не проста... никогда не преминет проверить, кто стоит за спиной десятника.

– Иду, – отозвалась Весеника, щелкнула пальцами, подзывая рысь, еле слышно шепнула: – Тадор, ищи!

Услышав знакомое имя, рысь прижался носом к двери, принялся и разочарованно сел, Тадором там не пахло.

– Молодец! – Княжна достала из мешка куски утренней козлятины, отдала зверю и щелкнула засовом.

– Я на пять минут, – предупредил Долен стоящего за его плечом стражника и прошел в комнату, плотно прикрыв за собой дверь, но не коснувшись засова.

– Садись вон на лавку, Дол, – кивнула княжна на сиденье с противоположной стороны стола. – Я хочу задать один лишь вопрос: ты меня знаешь не первый год, скажи, хоть раз было такое, чтобы Колючка дала честное слово и обманула?

– Нет, – подумав, осторожно сообщил десятник, – не было такого. Так ведь и случай особый!

– Дол! Я никуда убегать не собираюсь, даю тебе в том честное слово. Вот, смотри. – Она подняла рукав легкой кофты и показала воину браслет. – Я взяла его добровольно. И сейчас еду к жениху. А охрану отец дал мне по другому поводу... ты же знаешь Тадора?

– Ну? – нахмурился Долен.

– Так вот, он не согласен с решением князя и считает, будто я обязана выйти замуж за него. Сегодня в обед, когда я приехала к отцу повидаться, Тадор случайно попался мне навстречу. Мне неприятно это говорить, но бывший напарник был страшно зол и даже угрожал... как с ума сошел. Отец опасается, что он попытается перехватить меня по дороге, потому и дал твою десятку. Именно поэтому приказываю... не останавливайся на отдых в привычных местах и не входи в первый попавшийся трактир. А теперь иди отдыхать, нам утром нужно выехать с рассветом. Надобно торопиться, иначе разминемся с отрядом Дикого Ястреба... Мой жених сейчас там.

– Понятно, – мрачно сообщил Долен, немного помолчал, обдумывая услышанное, и ушел, так ничего и не сказав.

Запирая засов, княжна мысленно просила у духов прощения за мелкое жульничество, она не сказала сейчас неправды, но выдала случившееся при одной встрече за совсем другие события.

Глава третья

Остановиться на обед Веся намеревалась в Тумле, небольшом городке почти на границе земель ястребов и куниц, в доме зажиточного торговца оружием, давнего знакомого князя Радмира. Впрочем, у Парфена в знакомых ходил не только князь клана Куницы. Уж очень хороши были надёжные мечи и добротные доспехи, которые делали мастера в его кузницах. Но княжне сейчас не нужны были ни доспехи, ни кинжалы, хотя запас стрел она пополнить и намеревалась. В дом Парфена люди отца должны были прислать сообщения об отряде Береста.

Весенику уже начинало волновать отсутствие всяких сведений, хотя она и понимала, отчего их нет. Просто сейчас они с Берестом едут к одной цели, но по разным дорогам. Южная крепость ястребов стояла на левом берегу Хорога, несущего свои воды из западных ущелий Синего хребта сначала на юг, а потом на юго-восток, наискосок через всю долину в большое слабосолёное озеро Ойрет. Южные берега этого озера считались землями степняков, а северо-восточные, северные и западные делили между собой четыре клана. Три старших: Вепрей, Куниц и Ястребов – и младший клан Бобров. И именно эти богатые и плодородные земли неизменно притягивали к себе жадные взгляды жестоких кочевников.

Обычно они приходили с юга, начиная грабить вепрей и куниц, но в этом году, судя по сведениям Шангора и грезам ясновидящих, орды хингаев почему-то намеревались напасть на земли ястребов. А для этого должны были либо где-то переправиться через полноводный еще Хорог, либо напасть на жителей деревушек, расположенных на правом берегу и отгороженных от степных областей грядой невысоких холмов.

Подъезжая к воротам Тумла, Веся по привычке обдумывала свои дела и по сторонам особо не смотрела. Да и нечего тут разглядывать, уже три лета скачет по одним и тем же дорогам, успели приесться и деревушки, и рощи.

И потому изумленно оглянулась на Долену, когда тот злым шепотом приказал ей ехать посреди отряда. Но спорить не стала, не желая обращать на себя лишнего внимания. Однако узелок в памяти завязала, намереваясь позже сообщить десятнику о своём недовольстве подобным обращением.

– Ладно, – хмуро, но тихо буркнула в ответ куница, – а ты води отряд к Парфену. Сначала я стрел куплю, потом все остальное.

Как выяснилось через четверть часа, Парфен их уже поджидал. Едва Долен остановил коня возле оружейного магазина, на крылечко выскочил приказчик, сообщил, что для гостей готов обед в доме хозяина, и указал на распаивающиеся рядом ворота.

Спорить Долен, бывший этим утром еще более бдительным и осторожным, чем прежде, к удивлению Веси, не стал, сделал знак своим воинам, и они разъехались в разные стороны, пропуская к воротам тэрха.

По обычаю небольших городов, хозяева дорогих магазинов ставили их в собственном дворе, и позади торгового помещения, выступавшего на улицу широким крыльцом, располагался просторный двор со всеми хозяйственными постройками. Солидный дом стоял еще дальше, посреди ухоженного сада, и именно туда прямоком направилась княжна. Парфен встретил Веся на крыльце, приветствовал учтивым наклоном головы и веско заявил о своем намерении сначала накормить дорогих гостей и только потом говорить о делах.

– А где мои люди? – выйдя из умывальни, первым делом поинтересовалась гостя.

Пока княжна приводила себя в порядок, ее мысли крутились вокруг довольно прохладных отношений с сородичем, и в конце концов девушка пришла к однозначному выводу. Не стоило ей так упорно таить свои и батюшкины замыслы от десятника, ему сейчас и так нелегко.

Приходится выбирать, кому верить, собственной осторожности или молоденькой княжне, да еще и опасаться нападения проверенного в бою соратника.

– Умываются. Столы им накрывают на веранде, – открывая перед девушкой дверь в столовую, сообщил оружейник.

– Если можно... пригласи сюда командира отряда. Я ему доверяю, и мне нечего от него скрывать.

– Мне тоже. – Остро блеснули из-под густых бровей умные глаза, и их хозяин тотчас окликнул пробежавшего мимо парня с подносом в руках. – Пригласи сюда Долена.

Десятник пришел через минуту, хмуро глянул на оружейника, но сказать ничего не успел. Парфен обрушил на него широченную улыбку, объявил, что только его они и ждут, и сделал знак подающему еду поварёнку наливать уху. Слегка ошарашенный таким вниманием, воин поблагодарил и сел к столу, хотя Веся могла бы поклясться, ещё минуту назад он собирался вежливо отказаться от такой чести.

Ела княжна молча и торопливо, гадая, какие новости могли быть в сообщениях, если Парфен не решился передать их сразу? Или у него имелось разрешение батюшки на подобное действие? А может, даже приказ? Когда дело касается ее отца, никогда не знаешь, на какие поступки он способен ради семьи, домочадцев и клана.

– Как я понимаю, – вздохнул оружейник, едва Весеника отодвинула от себя пустую тарелку и поблагодарила, – тебе не терпится прочесть послания.

– Правильно понимаешь, – виновато улыбнулась ему Веся. – Извини... обещаю в следующий раз быть более вежливым сотрапезником.

– Надеюсь, не забудешь о своем обещании когда-нибудь навестить старого Парфена, – приbedнился торговец, имевший пока на висках всего несколько серебряных нитей. – Вот тебе послание от князя, а вот из Росети. Это я получил полтора часа назад.

– Давай, – решительно забрала запечатанные воском крохотные трубочки княжна, начиная понимать – указания в почтовых пеналах были не только для нее.

Повинуясь своему нетерпению, первым куница прочла не письмо отца, а послание неведомого ей соглядатая из Росети. И чем дальше читала, тем яснее понимала, этот человек вовсе не обычный лавочник или трактирщик, как казалось ей раньше. Не могут лавочники так быстро узнавать столь важные сведения. Но выяснение этого вопроса оставила на потом.

– Темная сила, – дочитав послание, нахмурилась Веся и протянула листок десятнику. – Долен, прочти. Мы уезжаем немедленно.

Известие о полученном от самого Илстрема приказе срочно направить воинов в сторону Туры, самого большого поселка ястребов, расположенного на южном берегу Хорога, в трех сотнях верст от Ойрета, напрямую касалось воина и их дальнейшего пути. Княжна теперь знала, куда направляются ястребы.

Послание отца она торопливо пробежала глазами и горько усмехнулась, к сожалению, её опасения подтвердились. Тадор прихватил трех преданных ему воинов и уехал из трактира прежде, чем туда пришел приказ Радмира его задержать. Ее бывшего напарника видели выезжавшим в южные ворота и не успели перехватить в Илевке.

– Читай, – вздохнула расстроенная княжна, отдавая Долему и это послание, и резко встала из-за стола. – Спасибо за все, Парфен. Что я тебе должна?

– Ничего, у нас с Радмиром свои дела. Хотя... любопытство, как ты знаешь, большой порок...

– И какие новости ты хотел бы узнать?

– Ты уже взяла браслет у одного из княжичей?

– Да.

– И у кого... если это не наглость?

– У самого лучшего, – загадочно усмехнулась куница, направляясь к двери.

– А я его видел, – догнало ее мрачное признание десятника, – Тадора. Там, у ворот в город.

– Милостивые духи! – вырвалось у девушки против ее воли. – Ну и на что он надеется?! Ведь не дурак же!

– В таких случаях обычно надеются на чудо, – огорченно вздохнул оружейник. – Я и сам всегда считал вас парой. Извини.

– А вот я никогда так не думала, – сердито фыркнула куница, – потому как имею способности к исцелению, а не к чтению душ. Но теперь поздно об этом говорить... если у тебя есть возможность, попытайся задержать Тадора. Во второй раз ястребы не потерпят его выходок.

– Радмир уже попросил об этом, – кивнул Парфен и хитро прищурился, – но в таком случае я не пойму... почему ты едешь в южную крепость, а не в Серое гнездо?

– Ястребы приняли меня в отряд, – понимая, что этой тайной может отплатить за участие оружейника, призналась Веся, – и провели ритуал. Кстати... я хотела купить стрел.

– Отец для тебя купил. – Парфен шагнул к шкафу и достал продолговатый короб, плетенный из ореховых прутков и обтянутый сброшенной кожей полоза. – Пять сотен. Синее оперение у тех, которые с ядом. Но ты знаешь.

– Знаю. Спасибо за всё. – Веся оглянулась на Долена. – Прихвати мои стрелы.

И ушла, не останавливаясь.

Отряд мчался до позднего вечера, и Веся продолжила бы скачку, будь у ее спутников тэрхи. Но все они, к сожалению, были на лошадях, и ехать в темноте так быстро, как хотелось бы княжне, не могли. Да и люди устали, однако никто и слова недовольного не обронил или взгляда. Значит, Долен поделился с ними плохими новостями, сообразила княжна, однако выговаривать воину за откровенность и не подумала. Она и сама ненавидела воевать вслепую и за остальными признавала такое же право.

– Долен, – придержав тэрха, крикнула куница, – где остановимся: тут или доберемся до села?

– Проще до села, – тотчас отозвался воин, и куница довольно ухмыльнулась, думали они одинаково. – Тут в паре верст небольшая деревушка, там и еду, и овес найдем и выспимся нормально. Да и дозорных ставить не придется. Рыж все равно предупредит.

Об особом приказе, отданном княжной своему зверю, десятник понял по тому, как начал рычать зверь, еще издали почуяв приближение встречных всадников или повозок.

Как оказалось, деревня не спала. Они издали поняли это по освещенным окнам домов и трактира, по снующим у прорех в ограде фигуркам людей, срочно заделывающих появившиеся за зиму проходы и проезды к самым нужным для селян местам. И это тоже было тревожным признаком, стало быть, тут уже знали о надвигающейся угрозе и готовились к обороне. Хотя и редко доходили степняки-хингаи до этих мест, но пару раз все же добирались, и никто не желал оказаться перед лицом опасности неподготовленным.

И на воротах уже сидели караульные. Востроглазые парнишки подняли крик, едва отряд вынырнул из темноты.

– Открывай! – громко приказал мужской голос, с привычными командирскими интонациями, а более тонкий и дребезжащий тотчас возмутился, доказывая, что ночью степняки как раз и подсылают переодетых лазутчиков.

– Совсем ты уже из ума выжил, – беззлобно хохотнул командир, ворота распахнулись, и Веся обнаружила стоявшего за ней крепкого бородача, – простых вещей не понимаешь, если хингаев в наших людей с горем пополам еще можно переодеть, то лошадь в тэрха еще никому не удавалось.

– Морок! – упорствовал въедливый старичок.

Остальные селяне держались чуть поодаль, но вил и топоров из рук пока не выпускали.

– Ну и какому сумасшедшему шаману, – звонко и насмешливо осведомилась Веся, – пришло бы в голову наложить на своего воина личину девицы?

– Дык... – произнес в запале старик и озадаченно почесал в голове.

Шаману, может, и пришло бы такое в голову, особенно сумасшедшему, только ни один степняк даже минутку не согласился бы изображать женщину.

– Я из отряда Дикого Ястреба, – веско объявила старосте княжна, – веду ему на подмогу десятку от князя Радмира. Рано утром мы уходим, но если нужна помощь – говорите.

– Какая там помощь, – отмахнулся польщенный староста, – злыдней сюда не допустите, на том и спасибо. А мы вас сейчас устроим и ужином накормим, проезжайте к трактиру.

– Пусть бы помогли тын поднять, – заворчал старик, – вон какие здоровяки!

– Побойся богов, Хилм! – укоризненно выдохнула ладная женщина, подхватывая спрыгнувшую с тэрха Веся под руку. – Им, может, завтра в бой, а они силу на твой тын положат! Будто мы не знаем, кто к речке дорожку со своего огорода проделал! Идем, девица, да оставь ты свой лук, никто не тронет!

– Извини, но оружие я никогда не оставляю, – качнула головой княжна. Знак никого не трогать она дала Рыжу загодя, а Ныр каким-то чутьём понимал, на кого можно и порычать, а на кого нет, – а немного помочь, чтобы ноги размять, думаю, воины не откажутся.

– Не нужно, сами управимся, – зашумели селяне, мигом сообразившие, благодаря чему сегодняшнюю ночь могут спать спокойно, отряд хорошо вооруженных воинов и два мощных зверя – неплохая подмога на крайний случай.

– Я сразу разгадала в тебе травницу, – прощаясь с селянкой на рассвете, вздохнула Веся. – Но про больных не спрашиваю... прости. Кабы были совсем плохие, ты и сама бы не смолчала, а на других мне нельзя сейчас силу тратить. Но если есть большая нужда, зельями поделюсь, у меня особые, наговоренные.

– Спасибо, – понятиливо улыбнулась та. – Я сама-то не решалась попросить, в бою они нужнее. Сонного и обезболивающего немного плесни, молодуха одна рожать на днях будет... сильно трусит по молодости.

– Давай флаконы, – полезла Веся в кошель и вдруг непонятно каким чутьём ощутила, как напряглась хозяйка приютившего ее в эту ночь дома. – Что-то случилось?

– Не велел староста вам ничего говорить... пришла ведь вчера ему весточка. Ястребы из отряда Дикого ищут девушку... с тэрхом и рысью. Только про воинов там не было. А потом пришло предупреждение... видение кому-то было... бой на переправе возле Туры. Чтобы не лезли туда, значит, а укрепляли свои села. А ты как раз туда и направляешься... как я понимаю.

– Спасибо... – расстроено выдохнула Весеника, – знаю я этого видящего... хорошо, хоть, не сразу его предупреждения сбываются. Но частенько посыпались... нужно торопиться. Ну а меня как им не искать... волнуются. Глянь сюда... только никому не говори.

Княжна осторожно показала травнице краешек таинственно блеснувшего камнями браслета и тотчас спрятала.

– Вот тебе зелья, учти, капли на глоток воды хватает. Пора нам, до переправы только к вечеру доберемся, эти места мне знакомы.

– Впереди конники с оружием. Скачут к Туре, – вернувшись к растянувшемуся по дороге отряду, торопливо доложил командиру один из дозорных, спускаясь с холма, у подножия которого вилась дорога.

Здесь, вблизи от места, которое привиделось Ансерту в прозрении, отряд передвигался со всеми предосторожностями военного времени.

– Кто-то из наших? – озабоченно оглянулся на осунувшегося командира Ранзел.

– Не могли они нас обогнать. Если только кто-то из тех, кого поднял на помощь отец из ближайших городов, – устало пожал плечами Берест. – Все равно мы их догоним, тогда и посмотрим, кто такие.

– Впереди у них всадник на тэрхе, – второй дозорный стремительно съехал по крутому склону, и Дикий уже рот открыл отчитать сумасброда, но мигом осознав услышанное и почувствовав, как слова застревают в горле тугим комком, лишь крепче сжал губы.

Но непроизвольно дёрнул уставшего зверя за гриву, заставляя поторопиться, и помчался вперёд, обгоняя дозорных.

– Берест... – встревоженно охнул Анс вслед даже не обернувшемуся брату и с досадой выдохнул: – Темные силы!

– Они останавливаются! – крикнул воин из дозора, пытавшийся поспеть за командиром.

– Стой! – решительно скомандовал Даренс, не обращая внимания на осуждающий взгляд Ранзела.

Однако, несмотря на то, что в эти пару дней они так и не пришли к единому мнению, вслух оспаривать приказ брата силач не стал. Препираться при подчиненных Берест запретил братьям настрого.

– Не нужно, чтобы воины думали, будто вы хоть в чем-то не заодно, – строго выговаривал он, если замечал малейший намек на нарушение своего приказа, – вот вечером сядете в своей столовой и спорьте, сколько хотите. Но тихо и спокойно. Люди должны быть в вас уверены, как в себе.

Поэтому Ранзел просто объехал дозорных и внимательно следил, как командир постепенно нагоняет незнакомых всадников. Очень скоро они тоже заметили погоню и остановились. А потом от чужого отряда отделился всадник и помчался навстречу Дикому, и по мере того, как он приближался, становилось ясно, что под ним вовсе не лошадь. Не прыгают лошади так мягко и ровно.

– Убьёт или не убьёт? – хмуро пробормотал Лирсет, останавливая тэрха рядом с братом.

– Ну точно цыпленок еще ты у нас, – с насмешливой жалостью фыркнул подъехавший с другой стороны Даренс. – Убивать так не мчатся.

Но даже блондин не догадывался, какие мысли кружат в голове несущегося вперед командира. Да он и сам не знал, зачем он так спешит догнать чужой отряд. Ведь тэрхи были не только у князя, некоторые знатные сородичи тоже имели не по одному зверю для своих нужд. Зелье чародеев, каким пропитывали вставки в подчиняющие тэрхов браслеты, стоило дорого, но не запредельно. И это вполне мог быть отряд, который вел один из воевод или старшин ближайших к Туре городков. Илстром сообщил, что разослал сообщение всем.

Потому и уговаривал себя Берест не надеяться на чудо, а когда скакавший впереди отряд остановился, немного придержал усталого зверя. Раз они встали, стало быть, ждут его и хотят поговорить. И незачем мучить животное, добираться до переправы еще не менее двух часов.

Но когда рассмотрел оторвавшегося от чужого отряда и несущегося к нему тэрха, вдруг снова ощутил, как встает в горле знакомый комок.

Темные силы... это же Проныра...

Но рассмотреть лицо всадника за веером распущенной жесткой гривы ястребу никак не удавалось.

Берест снова погнал своего зверя вперёд, торопясь услышать приговор, а затем, внезапно сообразив, как смешно будет выглядеть, если это не Веся, а просто посланец, которому поручили передать зверя, остановился прямо посреди дороги. Все равно Ныр уже рядом, даже отчётливо видно темное треугольное пятнышко на его груди, по которому ястреб всегда издали опознавал питомца.

– Берест! – Всадник остановил зверя впритирку к тэрху командира, так, что их колени соприкоснулись, сдёрнул маску и уставился на ястреба счастливым взглядом фиалковых глаз. – А я думала, мы от вас отстаем!

– Солнышко... – сразу забыл все остальные слова Берест и протянул к ней руки.

Веся немедленно подала свои и, перебросив вторую ногу через шею Ныра, легко прыгнула вперёд.

– А я боялся опоздать, – ловко поймав гибкую фигурку, свободно выдохнул командир, вглядываясь в лицо невесты и ощущая, как тает в груди настырный ком.

И не сдержался, припал на несколько мгновений к обветренным губам куницы, проклятая маску, которую пока не имеет права снимать. Отец обещал в письме все устроить после того, как они вернутся с границы.

Затем Берест удобно усадил княжну впереди себя и, крепко обнимая её одной рукой, другой легонько тронул гриву своего тэрха, посылая его вперёд.

– Следом, Ныр! – тихо скомандовала Проныре Веся, внезапно осознав странную истину. Ей больше не хотелось ничего спрашивать или выяснять.

Хотя целительница не сомневалась, едва они встанут на привал и окажутся в окружении возмущённых княжичей, отвечать на их вопросы ей все же придётся.

Глава четвертая

Однако отвечать пришлось раньше, всего через минуту Берест осторожно поинтересовался, кто эти всадники, с которыми она путешествует.

– Десятка воинов князя клана Куницы, – кротко сообщила княжна, с удобством облокотившись о надёжную грудь жениха, и, понимая его недоумение, добавила: – Отец послал их тебе в помощь. Ну и меня в дороге защищать.

Против такой помощи будущего тестя Дикий не имел никаких возражений. Радмир мудр и заботлив, это известно даже в клане Ястреба, несмотря на вражду последних лет. Хотя, если вдуматься, особой вражды и не было, не общались между собой только княжеские семьи. Торговцы и селяне, как и прежде, ездили по делам и в гости, а князья упорно «не замечали», как помогают друг дружке их воины.

Смущало ястреба другое, где Веся могла повстречаться с отцом?

– А Радмир... жив и здоров?

– Да, – ответила куница и скосила через плечо на жениха лукаво смеющиеся глаза, – до него дошел слух о планах степняков... Думаю, Шангор постарался. Батюшка первым проехал через мост из Забрега... добирался до Ставина и день, и ночь. Теперь собирает отряд, намерен через несколько дней подойти к низовьям Хорога.

– Полезная новость, – кивнул Берест и смолк, хотя хотелось узнать поподробнее, зачем Веся отправилась в Ставин... Хотела вернуться домой или просто опасалась ехать по другой дороге?

Однако десятка воинов, с которыми куница ехала к Хорогу, была уже совсем близко, а при посторонних ястреб не желал обсуждать никаких личных вопросов. Судя по тому, как торопливо натянула свою маску Веся, девушка тоже не испытывала к воинам особого расположения.

– Где вы собирались остановиться на привал? – огорчённо поглядывая на мех, которого вместо пушистой косы куницы теперь касался его подбородок, тихо осведомился Берест.

– У ручья, это через три версты.

– Знаю, – кивнул он, усмехнувшись в душе еще одному совпадению.

Как ни странно, они часто поступают и мыслят одинаково, это он заметил еще тогда, в ночном лесу, когда метался между братьями, не зная, к кому первому бежать на помощь. Словно не в разных кланах и домах выросли и не разные были у них судьбы. И он жил не прячущимся под маской уродцем, а хорошенькой любимицей сородичей, как Весеника. Еще один незадаанный вопрос при воспоминании о прошлой жизни княжны прижёл душу незабытой горечью, даря понимание, сколько их еще может возникнуть, острых и назойливых, как занозы.

– Добрый день, – выехал навстречу крепкий воин средних лет. – Я Долен, десятник. Князь Радмир велел проводить Колючку и встать под руку Дикого Ястреба.

– А я Дикий Ястреб, – блеснул насмешливым взглядом Берест, с удовольствием отмечая, что Веся и не подумала отстраниться от него при виде соратника или пересесть на Ныра, – принимаю твою десятку. Отправляйтесь вперёд, у ручья сделаем короткий привал, а после поедете сзади.

– Ясно, – кивнул Долен и подал знак своим воинам, направляя лошадь во главу отряда.

Княжич придержал своего тэрха, не столько из желания не гнать напрасно уставшего зверя, сколько в надежде получить еще один ответ.

– Нас братцы догоняют, – объявила Веся, искоса посматривавшая из-за его плеча на отряд Дикого, и ястреб с досадой вздохнул.

Ну вот куда спешат, ведь не маленькие? Должны бы понимать... насколько ему сейчас не до них?!

Весья поймала этот вздох, глянула через плечо в ставшие на миг огорчёнными глаза жениха и понятиливо усмехнулась. Как вовремя она успела надеть маску, теперь ястребу будет не так-то просто рассмотреть жаркий румянец, заливший ее щеки.

Княжна и сама безмерно поразилась собственному порыву, когда, рассмотрев, кто именно догоняет их десятку, оторвавшись от отряда ястребов, нетерпеливо дёрнула гриву Пронеры, посылая его навстречу отчаянному всаднику. И когда Берест остановился, словно передумав или испугавшись, куница уже точно знала, что не позволит никаким сомнениям или обидам испортить ту жаркую радость, какую она испытала от одного только предположения, кто из ястребов может так к ней торопиться. А разглядев сквозь прорези столь знакомой маски надежду и тревогу, смешавшиеся в зелёных глазах, отчаянно ринулась в распахнутые ей объятия. Ясно осознав неведомым женским чутьём, насколько одно-единственное краткое прикосновение или поцелуй сейчас понятнее и дороже вороха ненужных слов и объяснений.

– Небывалое зрелище, – едко произнес справа голос Ансера, – все наши воины в панике. Командир оставил свой отряд и перебежал к чужому.

– Я привезла тебе средний флакон с усиленной настойкой жар-цвета, Анс, – кротко сообщила алхимику Весья, радуясь своей предусмотрительности.

Мысль о подарках пришла в голову кунице вчера, когда помощник Парфена молча привязал ей за седлом сверток с кинжалами.

– Это тебе от меня свадебный подарок, оружие, – заявил Парфен, и Весья не решилась объяснять ему, что свадьбы, вполне вероятно, может и не быть. – Которое не подойдет тебе, подарить жениху и его друзьям.

И лишь вечером, рассматривая оружие, княжна сразу раскусила задумку мастера, заранее позаботившегося о том, чтобы кинжалы были на все вкусы, и только один подходил к женской руке.

– Милостивые духи... – сразу забыл про все обиды целитель, – целый флакон? И где он?

– На привале отдам, – спрятала улыбку Весья. – Там еще мерные ложечки.

– А почему это подарки только ему? – обиженно фыркнул Лирсет и немедленно получил пинок от брата.

– Не смей его обижать, Ранзел, – с каждой минутой княжне становилось все веселее и спокойнее, так бывало прежде только поздней осенью, когда, преодолев раскисшую тропу Вороньего болота, они с Марилей вваливались на кухню родного дома с мешками гостинцев, – подарки есть для всех вас.

– И для меня? – делано изумился Даренс.

– Конечно.

– И что же это такое? Неужели ты привезла мне поварешку?

– Ну, если вы не можете вытерпеть полчаса до привала, то скажу.

– Лучше скажи, – тихо посмеиваясь, посоветовал Берест, чуть крепче прижимая к себе невесту, – тогда они быстрее забудут, каким наказаниям собирались тебя подвергнуть.

– Меня? – с преувеличенным изумлением протянула княжна и оглянулась на неуступчиво сопевшего с левого бока Ранзела. – Ты не шутишь, или я что-то неверно поняла?!

– Но это ведь ты сбежала! – обвиняюще уставились на нее выпуклые карие глаза.

– Куда? – еще сильнее поразилась Весеника. – Разве не вы уехали первыми?

– Но мы поехали по важному делу, – строго пробасил силач, не замечая, как притихли его братья.

– Я так и поняла, – спокойно кивнула княжна, – и, чтобы не тратить зря время, поехала по своим важным делам.

– Но ты... – он на миг задумался, потом обличающе уставился на куницу, – сбежала через задние ворота!

– Какие были ближе, через те и поехала. А ты считаешь, мне нужно было делать крюк и возвращаться к главным? А зачем?

– Сказать стражнику, куда ты едешь! – не сдавался Ранз, хотя Лирсет с блондином уже почти не скрывали усмешек.

– Ранз, – укоризненно покачала головой куница, – в тот момент я уже догадывалась, какие дела творятся в Кладезе. И совершенно не знала того стражника! Он мог оказаться пособником или приворожённым! Ну и зачем бы я ему открыла свои секреты?!

– А оставить письмо не могла? – еще перечислял Ранз заготовленные загодя обвинения, хотя уже понимал, как неубедительно они звучат.

– Кому? Никого надёжного вы мне не показали, да и искать кого-то рано утром по всем спальням я не собиралась. А оставлять письмо в своей комнате было бесполезно, там толпа мальчишек бегала... не уверена я, что они приучены не читать чужих писем.

– Всё! – строго глянул Дикий на открывшего рот кузена. – Больше никаких вопросов на эту тему. Я сам виноват, нужно было разбудить Весю, как собирался. Подумайте лучше над другим, Радмир прислал мне в помощь слаженную десятку, будем её разбивать или не стоит?

– Я бы не стал, – заявил Ансерт. – Вместе им привычнее, и в бою не потеряют никого из виду. Да и наши скоро начнут подходить.

– А я хотел бы узнать про подарок, – мечтательно произнес Даренс. – Куницы еще никогда не делали мне подарков.

– А мне вообще никто не делал... – тихо буркнул Лирсет, и Веся с огорчением почувствовала, как вздрогнула в глубоком вздохе широкая грудь под её плечиком.

– Там для всех есть, – сказала она тише, чем хотела, – но Берест выбирает первым. Кинжал должен быть по руке... вы это лучше меня знаете.

– О, кинжалы! И где ты их взяла? – заинтересованно прищурился Дарс.

– У Парфена, – беззаботно пожала плечами куница, – заезжала за стрелами, старый заказ забрать.

И вовсе незачем им сейчас знать всю правду.

– А было у Парфена ещё что-нибудь интересное? – задумчиво шепнул в самое ушко кунице Берест, наслаждаясь простой возможностью ощущать её так близко и крепнувшей надеждой на скорое получение браслета.

Княжна ведь ясно даёт понять всем вокруг, что никуда не собирается от него уходить. Да он и сам теперь сделает всё, лишь бы не повторить прежних ошибок. Успел прочувствовать за два дня, как сразу темен, скучен и пуст стал без неё мир.

– Письмо от отца, – так же тихо шепнула девушка, повернув к нему лицо, – он обещал сообщить, если узнает, куда вы направляетесь.

Вот теперь Дикому стало окончательно понятно, как она со своим отрядом оказалась именно на этой дороге. Осталось только выяснить два последних вопроса. Но сейчас он задаст только один... второй прибережёт на потом: не время и не место тут досконально разбираться с личными проблемами. Хотя возможно, тот вопрос вообще никогда не придётся задавать... и это было бы лучше всего.

– Он знает о видении Ансерта?

– О нем знают все в окрестных городках и селах. Илстром разослал указы.

– Вот как... и каково твое мнение?

– Надеюсь, это будет нескоро и мы успеем переправиться и приготовиться к обороне.

– Весеника... – вздохнул Берест и бережно погладил пальцем мягкую кожу ее маски, – ты только не лезь в гущу боя, а?!

– Я лучница, – гордо фыркнула девушка, – а лучникам в гуще делать нечего. Моя забота – вражеских лучников и командиров достать... потому и заказываю стрелы у Парфена. Ему чародеи зелья продают... да ты и сам наверняка про это знаешь.

– Знаю, – подтвердил ястреб и смолк, не желая договаривать вслух то, о чем они оба и без того помнили.

Она, конечно, лучница, но в ещё большей степени – целительница, он сам убедился. И значит, не будет прятаться за камушком, а полезет именно туда, где будет опаснее всего. Потому что именно там будут падать и звать на помощь те, рядом с кем она так спокойно едет сейчас.

– Быстрее! – вдруг заторопились княжичи, обогнали командира и толпой помчались к узкому мостику через ручей.

– Святые духи, – огорчённо выдохнул Берест, взглядевшись вперёд. – Веся, переходи на Ныра.

– Уже иду, – шепнула куница, подзывая не отстающего от них тэрха.

– Держись за меня. – Ястреб крепко схватился за ремень седла и поставил ногу на упряжь Ныра. – Наступай, удержи.

Но девушка уже легко перепорхнула в свое креслице, устроилась и оглянулась.

– Отпускай! – И первая дёрнула тэрха за гриву, торопливо отправляя к мостику.

Иначе толпа селян, появившаяся из-за холма вместе со скотом и гружёнными скарбом повозками, надолго задержит их на этом берегу.

Однако беглецы и сами уже рассмотрели воинов и всё поняли, начали останавливать телеги и заворачивать рвущийся к воде скот. Мужчины помчались на своих коротконогих лошадах вперёд, выкриками и щёлканьем кнутов оттесняя на пологий склон холма овец и коров, женщины поторопились загнать на повозки детвору и привязать собак. Тэрхи не лошади, спокойно смотреть на твякающую шавку не станут, мигом пообедают.

Воины Дикого Ястреба тоже не дремали, подгоняли тэрхов, норовя поскорее проскочить злополучный мостик, понимая, как нелегко справиться с собранной в разномастное стадо упрямой скотиной. Вскоре обоз беженцев остался позади, а отряд ястребов выехал из неудобного ложка на широкую луговину, где Берест собирался остановиться на привал.

Долен со своими людьми уже были тут и даже успели занять удобное местечко возле старых верб. А также разжечь небольшой костерок, пустить на молодую травку напоенных коней и поставить Весин шатер.

– Хозяйственные, – одобрительно кивнул Берест, направляя тэрха к этому шатру.

Но сразу близко не подъехал, лишь немного проводил невесту и повернул зверя назад, к подъезжавшим ястребам. Несколько минут занимался обычными делами, выдавал приказы, объяснял порядок дальнейшего движения и прочие тонкости, которые считал нужным напомнить тем, кто в отряде всего второй год. И только убедившись, что всё в порядке, спрыгнул с тэрха, которому дежурный немедленно выдал его порцию еды, и, торопливо умывшись, направился к вербам, под которыми стоял шатер Весеники.

Он уже понимал, что теперь не сможет позволить себе продлить привал хоть на несколько минут сверх необходимого, как собирался до встречи с беженцами. Перед глазами стояли суровые лица селян, горестные взгляды женщин, оставивших любовно обихоженные дома на милость случая, и заплаканные мордашки малышей, которым никто не позволил забрать любимых котят или ежат.

И воину казалось непростительным потратить на себя несколько минут, если где-то возможно уже ждут помощи такие же дети.

– Садись тут, – встретил его приказ Веси, и девушка немедленно подвинула жениху заранее наполненную едой миску.

– Спасибо, – кивнул ястреб, устраиваясь на предложенном месте рядом с нею и откровенно любуясь милым личиком, с которого на время обеда исчезла маска.

Пусть он не имеет права задержать весь отряд, но зато вполне может сам перекусить наскоро, чтоб отдать последнюю свободную минутку невесте.

Но Весея решила иначе. Заявив, что она уже поела и вообще у нее полно в сумке сушеных фруктов, орехов и пряников, которые она жует на ходу, девушка ловко развернула свёрток с кинжалами. И тут же, высунувшись из-под легкого полога, замахала рукой, давая кому-то знак подойти ближе.

Берест только усмехнулся про себя, точно зная, кого именно она зовет, и догадываясь, с какой скоростью братья откликнутся на это приглашение и заявятся получать обещанные подарки.

И заторопился сам. Рывком сбросил надоевшую маску, на миг привлек к себе девушку, срывая сладкий, но короткий поцелуй, и тотчас отпустил.

– Это тебе, – улыбнулся счастливо, глядя в порозовевшее от смущения лицо куницы, доставая из внутреннего потайного кармана куртки маленькую плоскую шкатулку, куда два дня назад сложил любовно выбранные украшения.

А затем, придвинув к себе сверток с кинжалами, придирчиво осмотрел их и выбрал два. Выдернув из простеньких ножен, по очереди подержал в руке и почти сразу вернул назад меньший. Зато второй повертел в руке, привыкая, и, вложив в ножны, прицепил их к поясу.

– Спасибо, солнышко.

– Можно? – деликатно спросил рядом с шатром голос Дарса, и блондин, не дожидаясь ответа, просунул под полог свою красивую голову. А за ним протиснулись и остальные княжичи, и в шатре вмиг стало тесно и шумно.

Берест, торопливо черпающий из миски тушенное с приправами мясо, только еле заметно усмехнулся, заметив, с какой скоростью при появлении братьев исчезла из рук куницы подаренная им шкатулочка. Хотя на самом деле ему хотелось от удовольствия улыбаться во весь рот. И вообще настроение с каждой минутой становилось все лучше, а весь мир вокруг – светлее и прекраснее.

И даже проклятые хингаи казались в этот миг лишь досадной преградой на пути к долгожданному счастью. Заразой, которую нужно как можно скорее уничтожить, чтобы не погасила землю.

Глава пятая

– Нет, еще не подошли, – хмуро докладывал Бересту староста очередного обоза.

Уже четвертого за последние часы. И чем ближе был Хорог, тем сумрачнее и неразговорчивее становились люди, бегущие от беды.

– А из Туры уже кто-то переправлялся? – волновал ястреба самый важный вопрос.

– Они вместе с нами приказ получили. Но сначала не поверили... никогда до них в энту пору враг не доходил. Им ведь сейчас свободно не перейти, мост под водой, хотели пару дней переждать, половодье быстро спадает. Но примчались воины из южной крепости, заставили малых детей собрать, на лодках перевезти, ну а за дитятками и мамки побежали. Остальные решили скот выше по берегу угнать, там переждать. А тут дозорные прискакали, говорят, видели следы. Вот они и кинулись амбары раскатывать, плоты вязать... Это уж я не сам знаю, парнишка соседский догнал обоз, он и рассказал.

– Темная сила, – ругнулся Берест и резко дёрнул зверя за гриву, заставляя догонять и на минуту не вставший отряд.

Гнал тэрха не жалея, за пару минут, пока опрашивал селянина, успел оказаться в хвосте. Нетерпение и тревога, растущие после очередной встречи с беженцами, грызли душу каждого воина.

Отряд давно растянулся, и всадники на лошадях остались позади, но ждать их никто не собирался. Как и высылать вперёд дозор. Селяне, группками и порознь пробиравшиеся на север, были сейчас лучше любого дозора. Страх за свои и родичей жизни заставлял их непрестанно оглядывать окрестности.

Берест бывал в этих местах не раз, помнил наизусть каждый холм и каждую ложбинку и сейчас, постепенно обгоняя одного за другим своих воинов, уже просчитывал наперед свои будущие действия. Всего через несколько минут, когда они выберутся на открытое место, можно будет рассмотреть русло реки. Еще сады и крыши домов Туры на более низком, правом берегу, густые кусты и небольшую пристань на левом и плавный изгиб Хорога, круто уходящего в узкую ложбину меж более высоких холмов.

Вот тогда сразу станет понятно, успели ястребы или не успели.

Командир дёрнул тэрха яростнее, обычно он не волновался, если вступал в бой не первым, наоборот, яснее понимал, куда направить воинов своей десятки, но теперь впереди была Веся, присоединившаяся к десятке Анса. Берест в душе одобрял ее решение, рядом с его мечниками кунце делать нечего, но и совсем выпускать невесту из виду не собирался.

Ярко-оранжевая лента, разделившись на несколько полос, тревожно затрепетала в вышине, выпущенная со стрелой кем-то из лучников, и почти тотчас рядом с нею распустились вторая, третья. Стрелы с раскрывающимися вымпелами, предупреждающие едущих в конце отряда о том, что враг близко, имелись у каждого лучника отряда Дикого Ястреба, но ни у кого не было таких ярких, как взлетевшая первой.

И командиру не нужно было гадать, кто выпустил этот сигнал и, значит, первым заметил врага.

Тэрх обиженно рыкнул, так хозяин еще никогда с ним не обращался, и помчался вперёд огромными скачками, заставив ястреба обеими руками вцепиться в ремень, чтобы не остаться на дороге. Вылетел из-за последних кустов, скрывавших вид на реку, перепрыгнул через ошеломленного селянина, чудом не задев его задней лапой, и метнулся в сторону. Дорога от пристани была забита бегущими и едущими снизу обезумевшими от ужаса людьми, не собирающимися уступать дорогу выскочившему на них отряду.

Но никто из опытных воинов не стал тратить времени на уговоры и объяснения. Пользуясь силой и ловкостью тэрхов, ястребы прорывались через кусты, у самой пристани бросали

зверей и перехватывали у селян, в панике покинувших родной берег, плоты и лодки. Прыгали по трое и четверо, и пока передний прикрывал соратников легкими, но надёжными щитами из толстой кошмы, какую каждый вез под сиденьем, остальные торопливо гребли, торопясь достичь южного берега.

Лучники, засевшие за бревнами, скамьями и брошенным на пристани скарбом осыпали суевившихся на противоположном берегу хингаев градом стрел, но цели находили далеко не все. Слишком широк был сейчас Хорог, да и степняки всегда были осторожны и подлы, прятались за спины пойманных селянок, старались не подходить к берегу, куда сбежались те, кого враги не успели поймать. Несколько лодок и плотов, нагруженных до того, что едва держались на воде, двигались навстречу воинам через поток, и спрятавшиеся за пленниками лучники степняков посылали вслед им стрелы, стараясь ранить или убить гребцов. И если это им удавалось, оставшиеся без управления плоскодонки течение уверенно относило к затопленному каменному мосту, находившемуся полуверстой ниже по течению и скрытому от взгляда склоном холма. Судя по тому, как оставшиеся в лодках люди отчаянно старались выгребсти против течения, у моста тоже что-то происходило, но рассмотреть подробнее не удавалось, а расспрашивать в суматохе боя беженцев никто не собирался.

Берест уже стоял на краю самого длинного мостка, нетерпеливо поджидая, пока причалит битком набитая селянами лодка, и краем глаза следил за Весей, постепенно подбиравшейся к тому же мостку. Бесплезную в этом бою рысь девушка оставила возле кустов рядом с Ныром, повесив ему на шею запасной колчан со стрелами, чтобы бегать налегке и не возвращаться к сумкам. Звери следили за хозяйкой внимательными взглядами, но княжне сейчас было не до них. Расстроенная неудачной потерей пары десятков стрел, куница спешно искала место, откуда сможет достать ненавистных захватчиков.

Лодка почти добралась до мостков, оставалось уже не более пяти локтей, когда торопливо гребущий немолодой мужчина вдруг вскрикнул и выпустил весла из рук. Прижавшиеся друг к другу женщины и дети испуганно закричали, заголосили, заметив, как сразу начинает отодвигаться спасительный причал, но командир, державший наготове багор, успел зацепить лодку крюком за нос.

И теперь тянул ее к мостку, изо всех сил упираясь ногами в доски, и ясно понимая, что одному ему эту тяжесть не вытянуть.

– Рыж! – закричал рядом такой знакомый голос, и крепкие руки лучницы ухватились за пояс ястреба, потянули его к берегу.

Рысь примчался, как ветер, вцепился зубами Весе в куртку, рванул прочь, не давая хозяйке соскользнуть с досок. А еще через несколько секунд рядом с девушкой оказался кто-то из воинов, чуть потеснил, перехватил руками багор, подналег, и движимая совместными усилиями лодка начала медленно приближаться к мостку. Правда, подходила она теперь против течения, надвигаясь на мостки неудобно, сбоку, но это не пугало селян. Едва их протянутые руки достали до мокрых досок, женщины вцепились в них с отчаянностью тонущих, полезли на мостки сами, начали совать вперед ревуших детей. Державший Береста воин рыкнул что-то яростное и попытался помогать им одной рукой, но командир сунул багор ему в руки и приказал им с Весей держать постепенно легчавшую лодку. А сам принялся торопливо выхватывать из рук ошалевших женщин ревуших ребятишек, помог выбраться старушке и полез в лодку за побледневшим гребцом, придерживающим рукой окровавленное плечо, из которого торчала вражеская стрела.

– Держись, – подхватив мужчину, командир поменялся с ним местами и подтолкнул к мостку. – Помогите ему.

Веся ринулась на помощь раненому, уцепилась за воротник, вместе с рысью помогла взобраться на доски и сразу положила руки на его плечо, заставляя мышцы расслабиться, чтобы

легче было вытащить наконечник стрелы. И по-лекарски порадовалась, что он простой, без зазубрин и надрезов, да и сидит неглубоко.

– Дай мне багор, – расслышала куница приказ Береста воину, но даже глаз не подняла, отдавая все внимание и силы извлечению стрелы.

Еще несколько мгновений, болезненный стон – и смертельный снаряд лежит на ладони девушки. Целительница поспешно свела края раны, добавляя силы, и вдруг услышала, как отчаянно охнул недавно помогавший ей воин. Берест отправлял его к причалу за веслами, пока сам подтягивал багром лодку к мостку, чтобы прихватить еще пару соратников, это Веся успела понять по их коротким восклицаниям, пока занималась раненым.

И они уже бежали, вызванные ястребом мечники, гулко топая по сухим доскам, но вот Береста рядом почему-то не было. Торчал лишь багор, крепко зацепленный крючком за бревенчатую опору мостков. А лодка медленно отплывала в сторону стремнины, и из нее виднелась лишь нога командира, неуклюже зацепившаяся сапогом за уключину.

Мысли девушки заматались дикими котятками, застигнутыми в амбаре, а руки уже сами с сумасшедшей скоростью забросили за спину лук и накинули на шею рыси вместо колчана свободный ошейник. Еще быстрее княжна сбросила великоватые сапоги и тяжелый боевой пояс.

– Рыж, в воду! – скомандовала она, крепко ухватившись за ошейник рыси и даже на секунду не сомневаясь в верности своего решения.

Они скользнули в реку вместе так, как учились летом, не ныряя и не хлопаясь животом, а аккуратно, не создавая брызг. Рыж тотчас вырвался вперед, таща за собой Весю, изо всех сил старавшуюся ему помочь, глубоко загребая второй рукой воду.

Кто-то коротко и зычно выругался им вслед, но в реку следом не полез никто. Слишком холодна еще вода, и надеяться догнать выбирающуюся на стремнину лодку может только сумасшедший. Да и командир наверняка убит, иначе он хотя бы застонал. А вот девчонку жаль, но близко нет ни одной лодки с веслами или плота: все угнали на ту сторону прискакавшие первыми воины. И даже по берегу догнать лодку невозможно, левый берег на повороте перед мостом крутой и каменистый, и хотя проложена поверху тропка, но быстро там не проедешь и тем более не пробежишь. А наезженная дорога от моста идет в обход холма и до нее еще дальше. Тем более многие видели с холма большую толпу степняков, суевившихся около моста, и точно знали, соваться к ним малыми силами – несусветная глупость.

Веся только едко усмехнулась, услышав их ругань. Догнать ее они не могут и потому не станут и пытаться, девушка прекрасно знала это, еще прыгая в воду. А еще догадывалась, какими словами сейчас вовсю ругают воины глупую куницу, додумавшуюся сбросить сапожки, но не оставившую на мостках лук и куртку.

Ведь промокнет сейчас одежда и потянет дурочку на дно. Но о том, какими зельями пропитала подаренную Весе куртку Мариля, чтоб та не промокала и плавала как рыбий пузырь, знает только она сама, да ее наставница, алхимичка Евридия.

Нос лодки приближался не быстро, но уверенно, и вскоре Веся схватилась за него рукой. Отпустила Рыжа и скомандовала зверю плыть к Ныру. Если они окажутся поблизости от степняков, те в мгновение ока изрешетят рысь стрелами и копьями. Боевых зверей злодеи боялись и ненавидели едва ли не больше, чем чародеев.

А пока недовольный зверь плыл к прибрежным кустам, куница, торопливо перехватывая руками борт лодки, добралась до самого удобного места. Забросила внутрь лук, затем перелезла через борт и сама. И сразу, не обращая внимания на стекавшие с нее струи воды и посилившие от холода ноги, ринулась к жениху, неудобно лежавшему поперек лодки, головой под лавкой.

Первым делом засунула мокрые пальцы под воротник, потрогать, бьётся ли на шее жилка, затем, убедившись, что Берест жив, наспех обтёрла об его куртку мокрые руки и уже обе про-

тиснула под воротник. Сначала следовало немного добавить княжичу силы, а потом искать рану.

Лодку тем временем понемногу все дальше уносило от переправы и от берега, но княжна об этом не думала, ее волновало, почему Берест до сих пор без сознания. Сердце у него билось хоть и чуть замедленно, но уверенно, и потому Весе не приходило в голову никакой иной мысли, кроме самой простой, хингайская стрела была вымазана каким-то шаманским зельем. И значит, нужно как можно быстрее убрать наконечник и залить рану противоядием.

Самой стрелы целительница пока не видела, но нашла силой пораженное место, и потому уверенно перешагнула тело ястреба, немного подтянула, устраивая так, чтоб удобнее было добраться до раны. Припоминая, как стоял Берест в тот момент, когда удерживал лодку, Веся все яснее понимала, проклятый хингай специально целился не в голову и не в шею, а в тело. Иначе ее жених уже был бы за гранью, и вернуть его не хватило бы никаких сил. И стало быть, враг узнал маску ненавистного степнякам Дикого Ястреба, потому и стрелу положил особую, намереваясь не убить, а усыпить. Но раз так, у лучника должна быть твердая уверенность, что ценная добыча непременно окажется в его лапах.

Наконец-то добравшись до стрелы, торчавшей из левого бока Береста, точно под нижним ребром, Веся вздохнула посвободнее, только теперь сообразив, как крепко все последние минуты сжимала губы, словно страхась невольным стоном выдать свою тревогу. Хотя стрела и насквозь пронзила тело со спины, но прошла очень удачно. Не задето ни легкое, ни сердце, да и крови не особо много. Понять бы еще, это судьба так княжичу ворожит, или лучник необычайно меток?! Ведь хотя у степняков с луками и ездит почти каждый, таких метких среди них считанные единицы.

В этот раз Веся поступила просто, отломила наконечник и выдернула стрелу из тела. Сразу плеснула в рану из крохотного флакона, бросать пояс с целительскими принадлежностями девушка и не подумала. Да и с чего бы она его вдруг выбросила, если в походах даже на ночевках никогда не снимала!

А положив руки на рану жениха, спеша добавить телу силы для восстановления, княжна подняла наконец голову, пытаясь оглядеться и определить, куда они успели доплыть за это время.

Обнаруженное девушкой зрелище оказалось невероятно удручающим. И чем больше она всматривалась в приближающуюся с каждой секундой картину, тем яснее понимала, надежды на спасение у них с Берестом нет.

Очевидно, хингаи, обозленные попытками жителей Туры уплыть от них вместе со скотом и скарбом, нашли способ перехватить хоть часть добычи. И специально оставили у деревенской пристани лучших лучников, ринувшись основными силами к мосту. Теперь Веся не сомневалась, враги проверили его заранее, видимо, в надежде перейти на тот берег. Иначе откуда бы им знать, что вода упала до уровня каменных перил и ни один плот или лодка не смогут преодолеть эту преграду?

Вот и попадали неудачливые беглецы прямо в лапы степняков, загоняющих на затопленный мост своих лошадок и ловко цепляющих крюками и веревками лодки с беззащитными женщинами. А подтаскивали плоты к берегу лошади и коровы привязанных к деревьям селян, с безнадежной горечью взиравших на эти действия врагов.

Весе не составило труда понять, какая участь ждет у моста их лодку. Вскоре, пойманная крюком или веревкой, она окажется в лапах беспощадных налетчиков. И если саму Веся степняки просто подарят своему главарю или продадут вместе с другими девушками на невольничьих рынках восточных стран, то у Береста нет никакого шанса на жизнь. Обычно молодых и здоровых воинов и селян хингаи угоняли в рабство, но раненых безжалостно добивали на месте. Устраивая из них ради собственного развлечения мишени для соревнования в меткости.

Поэтому девушка решительно убрала руки от ран жениха, едва сочла его достаточно исцеленным, чтобы через пару дней подняться и без ее лекарского умения. А вот выжить без помощи куницы не сможет, и значит, ей нужно поберечь силу.

Весеника еще раз глянула на бурлящую возле моста воду и взялась за свои зелья. Первое невозмутимо и споро накапала в маленький стаканчик, извлеченный из целительского кошелька и разбавила речной водой, зачерпнув ее ладошкой. Ловко влила в приоткрытые губы ястреба, нежно погладила их пальчиком. А затем, словно сразу забыв про пациента, намешала и себе, хотя пока чувствовала себя совершенно здоровой. Знала точно, это ненадолго.

Проглотив зелье, целительница глянула вперед и заторопилась, мост уже почти рядом, и оттуда слышатся крики несчастных женщин, а ей еще нужно успеть переодеться. На корме под лавочкой валялся чей-то забытый в суматохе узелок, и Веся немедленно бросилась к нему, торопливо развязывая по пути шнурки куртки и сдергивая маску. Девушку-воина хингаи непременно станут опасаться и ближе не подойдут, а ей сейчас выгоднее казаться простой селянкой.

С одеждой не повезло, она оказалась мужской, видимо того раненого гребца, зато в узле, кроме одежды и подсвечника, были сапоги. Почти новые, из тех, какие селяне берегут к празднику, и неважно, что подошва почти на три пальца длиннее, чем носит куница. Зато новенькие вязанные носки тоже имелись, и теперь озябшие ноги Веси наконец-то оказались в тепле. Но прежде чем обуваться и надевать сухое, девушка решительно сбросила с себя мокрые вещи и растерлась той рубашкой, которая похуже и помягче. Разумеется, раздевалась она, стоя к степнякам спиной, и сначала сняла жилетку и рубашку, а натянув мужскую рубашу, бывшую ей по колено, спокойно передела и штаны, и лишь потом натянула носки, сапоги и праздничный кафтан недавнего пациента. Не забыв про пояс и шкатулку, которую так и не решилась спрятать в походный мешок.

На мосту, к которому судьба неумолимо несла куницу, новую жертву уже заметили, а рассматривая, как смело она разделась почти догола, ринулись ближе. Прячущие своих женщин под кипой платков и покрывал, степняки местных девушек и женщин, ходивших с незакрытыми лицами, твердо считали развратными и глубоко презирали. Да и вообще пойманных пленников не считали равными себе, а пригодными лишь для продажи и развлечения хозяев.

И теперь готовы были передрасться за право первым захватить необычайно смелую девицу, считая, что она намерена добровольно предложить им себя за свободу. Свою, ребёнка или мужа. Встречались им иногда такие наивные селянки, надеявшиеся на честность своих новых хозяев.

И тем веселее было их дурачить.

Сообразить, что стоявшая в лодке во весь рост девчонка, перебросившая на грудь полураспушенную пышную косу, вовсе не собирается ни сдаваться, ни тем более продаваться, захватчикам не было дано. Они и представить не могли, какие мысли бродят в голове этой хорошенькой дурочки, сумели ее рассмотреть, пока лодку подносило к мосту.

Но если бы и могли их услышать, вряд ли бы поверили или отступили, хингаи были присущи жадность и жестокость, но никак не благоразумие или осмотрительность.

И Веся отлично это знала, потому и не скрывала выражения лица, вспоминая последний разговор с наставницей. Княжну, всю зиму учившуюся вызывать и гасить в себе раздражение и следующую за ним волну всепоглощающего гнева, беспокоил тогда всего один вопрос.

– Но ведь там могут оказаться и хорошие люди... не все же идут в набеги по своей воле?

– Веся, ты думаешь неверно. Кто, по-твоему, хороший человек? Тот, кто сделал что-то хорошее? Или который не сделал ничего плохого? Или тот, кто хотел бы делать хорошее, но не делает? И тут не важна причина, почему. Кто хочет себя оправдать, тот всегда найдет резон. А если он уже сел на лошадь и ворвался в чужое село, убил мирного селянина или воина, вставшего на его защиту, потащил в сенник пойманных девчонок или сожрал чужую корову,

он никак не может быть хорошим, даже если мечтает вечерами, как вернётся домой и будет выращивать розы.

И сейчас глядя на горевшие животной похотью глаза, на искривленные гнусными ухмылками рты и стискивающие багры и крючья руки, уже выпачканные в чьей-то крови, княжна все отчётливее понимала, как права была Кастина.

Нет и никогда не было ничего светлого и человеческого в этих зверях, кроме по ошибке доставшегося им облика, и не заслуживали они пощады.

На берегу, там, где до половодья была дорога, а теперь стояло несколько десятков привязанных к деревьям пленников, отчаянно и пронзительно закричала женщина. И этот крик стал тем ключом, который отпер в душе куницы накрепко запертое желание карать. Вспыхнула знакомая, жаркая волна гнева, вылилась в пропитанные ненавистью слова:

– Чтоб вам, злодеям, враз всем ослепнуть и оглохнуть... пока я не помилую.

– Веся... – еле слышно прошептал рядом слабый голос, и оседавшая на скамейку княжна успела рассмотреть изумленный взгляд зелёных глаз, – это... ты?!

– Я... – обессиленно выдохнула девушка и, почувствовав, как проваливается в темноту, сползла на нарочно брошенную рядом куртку.

Глава шестая

– Тьма! Вы чувствуете?

– Похоже, опоздали!

– Не болтай глупости... это совсем рядом... – ехавший на огромном, почти черном тэрхе мужчина дёрнул за тонкий, шелковый поводок, вплетенный в чувствительную гриву зверя, и тот помчался с невероятной скоростью.

Его спутники, сидевшие на крупных, но несколько уступающих черному по размеру зверях, вскоре начали отставать, хотя беспрестанно подгоняли своих тэрхов. А когда выехали за поворот и впереди багрово блеснул отраженным закатом полноводный Хорог, через который вместо моста вели лишь бурунчики, отмечающие перила, сразу перестали мучить животных. К берегу, дать зверям напиться, они ехали неспешно, с завистью наблюдая, как огромный Гром, осторожно переступая мощными лапами по ненавистной воде, несет своего хозяина на противоположный берег, где валялось больше десятка простых крестьянских плоскодонок и наскоро связанных плотов.

– Похоже, тут было жарко, – достав подзорную трубу, рассматривал открывшееся зрелище Саргенс. – Жаль, мы узнали слишком поздно.

– Давно пора заменить Лайониса на более сильного чародея, – хмуро фыркнул его спутник, – а его отправить в южную крепость.

– Если Илстрем теперь не передумает нас в нее пускать.

– Ну не дурак же он... – не поверил немолодой крупный мужчина, – чтобы не понимать своей выгоды.

– Нет, Юнгельс, он не дурак, но не выносит ни малейшего лукавства в делах. А условия князя были просты... найти девчонку и привезти в его Гнездо.

– Но откуда он узнает?

– Не знаю. Правда, не знаю, не смотри на меня так! Но он всегда докапывается до истины... даже через время. Ну а если та девчонка действительно Колючка, то будет знать все очень скоро... если уже не сегодня же вечером. Лайонис передал, что она взяла браслет Береста.

– Ну его браслет еще ничего не значит... – произнес Юнгельс и огорченно хмыкнул: – Нужно было взять амулет льда.

– Мне кажется, это было бы неправильно... – задумчиво мотнул головой Саргенс. – Возможно, и лучше, что Феодорис поехал один. Он справится и без нас, а селян пугать не стоит, им и так сегодня досталось.

– Говорят, видение было одному из сыновей Илстрема? Может, попытаемся его забрать?

– Как-то неудачно ты сегодня шутишь... Ну чего же он там так долго?

Магистр молча осмотрел толпу настороженно глядящих на него людей и крепче сжал зубы. Все равно бесполезно их расспрашивать или что-то объяснять. Ни отвечать, ни слушать они не будут. Можно только требовать и приказывать... но это не самый желательный метод общения.

Хотя не все в этой толпе без способностей... над старичком с перевязанной несвежей тряпицей головой струится робкая просинь водника, а у женщины, которую закрывает своим телом мужчина в залитой кровью рубахе, явно способности травницы.

Но сейчас волнуют Феодориса вовсе не они, а еще светящаяся фиолетовым отсветом недавнего выброса фигурка, безжизненно лежащая в расшитой шелком кибитке, явно отобранной у хингаев. И судя по тому, что ни одного из захватчиков поблизости не видно, это именно их кровь щедро заливает подступы к мосту.

Интересно, как она убила их на этот раз? – мелькнула в мозгу магистра безразличная мысль, и он решительно направил тэрха к одарённой.

– Да что же это делается-то! – Старик с даром водника с неожиданным проворством ринулся к девушке впереди тэрха, встал перед наскоро сооруженной лежанкой, раскинул руки. – Не отдадим! Совсем обнаглели, чародеи проклятые! Девчонка мало того Дикого спасла, так и нас всех освободила!

– Она убийца, – строго процедил Феодорис, – с ней будет разбираться совет!

– Кому ты врешь? – с ненавистью выдохнул залитый кровью мужчина. – Кого она убила?! Пальцем ни одного не тронула, хотя и воин! Это мы их перебили... я сам не менее десятка перебил! И больше бы убил... да не осталось!

– И они тебя ни разу не ранили? – с ледяной язвительностью осведомился магистр, спрыгивая с Грома. – Отчего же они такие неловкие?

Он обошел старика, как дерево, и уставился на безжизненно-бледную растрепанную девчонку, потом перевел взгляд на мирно спавшего рядом с ней мужчину в хорошо знакомой маске и скрипнул зубами.

Как неудачно все складывается. При толпе свидетелей, молча, но упорно обступивших его со всех сторон, не удастся снять браслет с запястья куницы и сунуть в карман воинственному княжичу. И заморочить их всех не удастся, на двоих одарённых, хотя и слабеньких, уйдет силы вдесятеро больше, чем на всех остальных, а ему еще уйти отсюда нужно, да и не одному.

– Они не неуклюжие были... – все сильнее зверел мужчина, явно разгоряченный недавней расправой, – когда нас расстреливали! И когда над женщинами издевались... Кроме этой девочки, никто не пришел на помощь... ни одного чародея я тут не видел!

– Вы же не хотите держать тут пост?! – позволил себе прикрикнуть на селянина магистр. – И новостями не делитесь! Вот и пеняйте на себя. А теперь отойди... её сначала вылечить нужно, а вашим травникам это не под силу!

Он плавно повел перед спорщиками рукой, и селяне вдруг почувствовали себя спутанными. Словно попали в тягучий и тяжелый мед, не дающий ни шагнуть, ни взмахнуть рукой. Затем незванный гость легко наклонился, поднял спасительницу вместе с одеялом и что-то негромко приказал своему громадному тэрху.

Зверь покорно лег, распластался, как отдыхающая кошка, и чародей спокойно уложил куницу в похожее на люльку сиденье, устроенное позади его собственного креслица. Привязал мягкими ремнями, подоткнул одеяло и сел на свое место.

И меньше чем через минуту уже гнал зверя по залитому водой мосту на тот берег, где селяне ясно рассмотрели в закатных лучах еще двоих всадников на таких же крупных тэрхах.

Через полчаса мрачные селяне уже связали все трофеи, погрузили на доставшихся от злодеев лошадок и принялись решать важный вопрос: перебираться на тот берег или вернуться в свои дома? Ведь раз пришел Дикий Ястреб со своим отрядом, можно быть уверенными – хингаам больше не удастся подобраться незаметно.

– Едут! – закричали мальчишки, несшие караул на верхних ветвях тополя.

– Кто? – тотчас прикрикнул споривший с чародеем мужчина.

– Вроде ястребы... – неуверенно сообщил парнишка, – но не на тэрхах!

– Откуда им тут тэрхов взять? – еще неуверенно вопрошал старичок с повязанной головой, а отряд воинов на невзрачных степных лошадаках и со знаками клана Ястреба на куртках уже выскочил из-за холма.

– А где степняки? – мрачно озирая толпу потрепанных и окровавленных селян, басом спросил рослый ястреб.

– В Хороге. – Старичок явно был у селян за посредника. – Девчонка, что была с Диким, слово сказала... они и ослепли. Ну а мы того... ждать не стали.

– Веся? А где она? – встревоженно оглянулся белокурый красавец, от одного взгляда на которого сразу зарумянились молодые селянки.

– Нету... – зло скрипнул зубами мужик в наспех замытых штанах и яркой шелковой рубашке, явно доставшейся по наследству от захватчиков. – Чародеи примчались... втроем. Увезли девчонку, она ведь в беспмятстве лежала. Уж и не знаю... как вы ее жениху-то скажете... когда проснется.

– Кто... проснется? – неверяще глядя на селянина, произнес ястреб с лекарским кошельком у пояса. – Я сам сверху видел...

– Ранен он был, – сразу поняла, в чем дело, травница. – Невеста же, видать, и залечила... мы поломанную стрелу в лодке нашли. А сейчас спит, я снадобья дала, слаб как дите он еще был.

– Так нам можно домой возвращаться? – спросил кто-то из селян в спину ринувшимся к командиру ястребам. – Вам бы баньку натопить... да супчику сварить...

– Конечно, возвращайтесь, – расстроено глядя в сторону другого берега, позволил немолдой мужчина со знаком клана Куницы на плече, но думал он в этот миг вовсе не о бедах селян.

Как сообщить Радмиру о том, что Весенику увезли в Цитадель, вот теперь его главная задача.

– Ранзел?!

– Ну чего тебе?

– Там еще воины прибыли, когда делить будем?

– Скажи, пусть сами определятся, к кому хотят. У Береста десятка полная. – Старший поднял на брата тяжелый взгляд и тягуче вздохнул: – Что решил Анс?

– Сказал, даст Десту еще снотворного. Пока рана совсем не закроется, вставать ему не позволит.

– А он посылку видел?

– Ранз... все мы её видели. Кроме Ардеста. Долго ты будешь тут сидеть? Сходи прогуляйся.

– Сгинь. Я позавчера нагулялся... иди лучше сам, а?

– Не хочу. Лучше с тобой посижу.

– Лирс! Я ведь не девица, рыдать не стану! Нечего тебе тут сидеть!

– А никто и не надеется... будто ты начнешь рыдать... хотя, может, и лучше было бы.

– Ничего не лучше. Да и не с чего мне. Если боги ума не дали, то плакать бесполезно. А Дарс чем занят?

– Письма пишет. Лавочник завез голубей из Ставина... Дарс половину себе выкупил. У него в Ставине много знакомых... и тетка с мужем.

– Знаю. И чем они помогут?

– Спроси у него. Ты есть будешь?

– Нет... лягу посплю. Если Берест проснется и ты меня сразу не разбудишь – можешь считать, что осиротел.

– А за какие грехи ты собираешься убить родителей? – шутливо нахмурился Лирсет. – Они же тебе ничего плохого не сделали?

– Вообще-то я про них говорил. – Ранзел смолк и уставился на вошедшего в комнату Ансерта. – Ну как там?

– Все по-прежнему. Вернее, рана почти закрылась... Я тут знаете, чего сообразил? Когда она лечила нас в лесу, то силы не жалела, и раны затянулись уже наутро. Только у Лирса дольше заживало... так рана была много серьезнее. А у Береста закрывается медленнее, хотя уже второй день идет.

– Ну, и к чему ты клонишь?

– Значит, она загодя поняла, – строго заявил от двери Даренс, – как поступят степняки с раненым Берестом. Ну и с ней. И потому приберегла силу. И тогда получается, что она могла ею управлять.

– Ну еще бы... – хмуро выдохнул Ансерт. – Можно научиться за шесть-то лет. А мы еще думали... почему у него проклятье слетело... значит, она и отпустила.

– Думаю, все не так просто, – задумчиво протянул блондин. – Она, конечно, лукава, но не зла. И еще... все помнят, что Дест в тот раз на нее внезапно напал? А Весеника и сейчас Колючка... А ведь шесть лет назад ей всего четырнадцать было, это ему с медовухи показалось, будто больше! Он мне сам говорил, лет семнадцать. А в четырнадцать девчонка могла просто от испуга шарахнуть... и даже не понять чем.

– Даренс?! – подозрительно уставился на брата Ранз. – Учти, я и на волос не верю, что куница сама браслет отдала! Хорошо позавчера рассмотрел, как они оба светились, когда она к нему навстречу бросилась! Поэтому можешь не стараться... я сам, лично, все ему объясню, если у Дикого ума не хватит понять...

– Дурак ты, Ранзел, – беззлобно усмехнулся блондин, – и не просто дурак, а просто огромный дурак! С чего ты взял, будто я собираюсь между ними лезть? Я тоже, между прочим, не слепой! И не подлец!

– Прекратите спорить, – печально, как старик, вздохнул Лирс, – разве об этом сейчас думать нужно? Лучше скажите... раз вы все такие умные, кто-нибудь слышал, чтобы у ковена чародеев отбирали приговоренного?!

– Я написал всем знакомым, – сразу помрачнел Даренс, – у некоторых есть друзья среди этой братии. Попросил все разузнать. А Долен написал Радмиру... наверняка он попытается спасти дочь. У нашего князя среди чародеев много приятелей, но вряд ли он ради нее хоть пальцем шевельнет.

– Берест никогда не вернется в Гнездо... если отец не станет ему помогать, – угрюмо заявил Ранзел и вздохнул так тяжело, словно уже расстался со своей Телмориной.

– Ты думаешь, Илстрема это испугает?!

– А где наш Лайонис, кстати?! – вдруг поднял на миг от своих флаконов голову Ансерт. – Помнится, он собирался ехать с нами в южную крепость?

– Скоро я начну тебя бояться... – загадочно фыркнул поглядывающий в окно Лирс, – вы никого там не видите?

– Темная сила! – выдохнул Даренс, посмотрев в указанном направлении. – Как вовремя! Не вздумайте его испугнуть, я сам допрошу!

– Доброе утро. – Служанка, не поднимая глаз, торопливо прошла к столу и поставила на него круглый серебряный поднос. – Приятного аппетита.

– Унеси, я не хочу.

– Мне приказано оставить... – прошелестел робкий протест, и женщина торопливо юркнула за дверь.

Щелкнул засов, и Веся едко прищурилась, наверняка они считают, что она прельстится ароматами, исходящими от красиво разложенных румяных пирожков, просвечивающих от жира ломтиков малосольной сияги, розовой, с прикопченной кожицей ветчины и янтарного куриного навара.

Не на ту напали. Девушка спокойно встала с кресла, подошла к окну и открыла узкую дверцу на балкон, до потолка загороженный обманчиво легкой ажурной решеткой.

Затем вернулась в комнату, взяла поднос салфетками, как брала бы раскаленную сковороду, и вынесла на балкон. Поставила на скамью к трем его близнецам, скептически фыркнула,

еды ей с каждым разом ставят все больше, и вернулась в комнату. Не забыв плотно захлопнуть дверь.

Прошла к облюбованному креслу, поставленному у очага так, чтобы видеть и дверь, и окно, и снова положила на колени раскрытую книгу. Но читать не стала, хотя и смотрела на витиевато выписанные буквы.

Ей необходимо было обдумать неожиданное открытие, сделанное пару минут назад, когда княжна внимательно рассматривала служанку. Вся даже на миг не переставала размышлять обо всем, произошедшем с нею за последние три дня, и не могла на признаться самой себе, что ее мнение об этом странном месте постоянно меняется.

В самые первые минуты, когда княжна, проснувшись, обнаружила себя лежащей в застланной вышитыми полотнами постели, одетой лишь в длинную белую рубаху, у нее первым делом возникло подозрение, что она в Сером гнезде. Выходит, князь ястребов наконец-то нашел способ заполучить куницу, когда-то обидевшую его сына.

И вид заснеженных горных вершин, закрывавших за окном полнеба, эту мысль подтверждал. Но потом, рассмотрев уютно и даже богато обставленную просторную комнату, Вся засомневалась. Как рассказывали наставницы, в Сером гнезде полы были выложены каменной или керамической плиткой и застелены шкурами.

А здесь пол был деревянный, светлого, почти солнечного цвета и накрыт нарядным пушистым ковром, какие ткали лишь мастера из далекого Сайкана. Да и широкие подоконники были деревянными, а занавеси над ними не из тяжелого вышитого сукна, как в Гнезде, а из полупрозрачной кисеи нежно-сливочного цвета.

Но окончательно разбила первоначальное предположение куницы служанка, явившаяся с первым подносом. В Сером гнезде еду подавали парнишки-поварята.

Вот потому-то Весеника к подносу и не притронулась, не настолько она наивна – совать в рот пищу, поданную в совершенно незнакомом месте. Но запах горячей еды притягивал к себе мысли и чувства, и княжна решила выставить его за дверь. В тот момент она сделала свое второе открытие, комнату заперли снаружи. Обнаружив это невеселое обстоятельство, Вся отправилась изучать свою тюрьму и выяснила много интересного. Хотя на окнах решеток и не оказалось, зато все они выходили на просторный балкон, и вот он был тщательно и деликатно огорожен. На нем можно было посидеть на свежем воздухе и даже погулять, а также изучать высившиеся напротив скалы. Однако ни одного строения или окна рассмотреть оттуда было невозможно, так хитро всё скрывали выступы боковых каменных стен.

Затем Вся обнаружила еще одну дверцу, в умывальню, и это необходимое для людей помещение оказалось очень необычно устроено. В первой комнатке стояли шкафы с одеждой, за маленькой дверцей расположилось аккуратное место для естественных надобностей, а в помещении побольше стояла просторная каменная чаша. И вот такой формы лохани и подводящих воду трубочек Вся не встречала ни у одного клана. Во всяком случае, в Ставине, который все этросы закладывали сообща, ни в одном трактире или дворце подобного не было. Иначе князь Радмир, бдительно следивший за устройством домов соседних кланов и немедленно вводящий у себя все новинки, уже рассказал бы об этом старшей матери.

И теперь княжна была почти уверена, где находится, и потому с таким упорством отвергала еду. Она и воду поначалу пила чрезвычайно осторожно, и лишь проверив свое тело силой и убедившись, что ничего странного с нею не происходит, стала пить сколько хочется. И все время пыталась найти ответы хоть на самые важные из волновавших ее вопросов.

И главным был: куда делись браслет Береста и его шкатулка?

Разумеется, Весеника вполне допускала, что ястреб решил забрать свой браслет после того, как застал ее в момент выброса проклятья. Ничего удивительного в этом не было, большинство этросов так бы и поступили.

Совершенно не верилось ей в другое. Вряд ли Берест начал бы шарить у нее за пазухой, чтобы забрать свою шкатулку, особенно после того, как она спасла его и селян от расправы. Он, может, и обидчив, но не жаден и совершенно не подл.

А если шкатулку взял кто-то другой, значит, и браслет мог взять кто-то другой. И не нужно долго думать, что сделает человек, отнявший у куницы подарок жениха. Это и ежу ясно. Вернет Дикому... иначе не стали бы их разлучать.

В намерение чародеев сжечь ее на костре Веся с каждым часом верила все меньше. Если она все же в Цитадели, а ничем иным это необычное здание быть не может, то незачем ее кормить такими отборными продуктами. Всем известно, маги ничего и никого не выращивают сами и покупают каждого цыпленка и луковицу.

Страшило куницу другое... и подробность, обнаруженная полчаса назад, казалась предвестником новой беды.

Княжна неспроста так внимательно наблюдала за принесшей еду служанкой, по слугам иногда можно понять об их хозяевах очень многое. По тому, какие платья и туфли носят, насколько грубы у них руки и свежи воротнички.

Ну, первые подозрения о воротничке у Веси возникли еще вчера вечером. Именно тогда девушка заметила, что и фартук, и воротник как-то не соответствуют ткани платья. А сегодня специально присмотрелась и поняла окончательно, похоже оно на наряд служанки лишь темным цветом да простым, удобным фасоном. Именно такие любит носить их старшая мать, и хотя меняет каждый день, замечают это немногие домочадцы. Веся относилась как раз к этим внимательным и сразу определила, что платье на служанке сегодня другое. А вот накрахмаленный фартук и аккуратный воротничок были на женщине всё те же, и за сутки на них не добавилось ни единого нового пятнышка или складочки.

А еще княжна, ощущавшая, несмотря на голодовку, свои силы полностью восстановившимися, внезапно заметила то, чего никогда не замечала раньше. Когда необычная служанка уходила и на пару мгновений оказалась в полумраке дверного проема, вокруг нее возникло еле заметное зеленоватое свечение.

Глава седьмая

– Можно?

– Входи, когда это тебе было нельзя?

Саргенс подошел к горящему очагу, аккуратно положил на край небольшого столика пачку посланий и сел в кресло напротив верховного магистра.

Удобное, мягкое кресло приятно прогнулось под усталой спиной, обняло теплой кожей согревшейся от очага обивки.

– Ну и зачем ты их мне принес?!

– Это новые.

– Я сообразил. Мог просто пересказать своими словами... Хотя я догадываюсь, какие новости могут там быть.

– Если так, значит, у тебя очень богатая фантазия.

– Просто я давно живу... и привык наблюдать за людьми. Большинство из них не смотрит в глубину явлений и не просчитывает наперед даже простых дел.

– Мечтаю так жить, – искренне вздохнул Саргенс и налил себе горячего чая. Добавил в чашку немного меда, сыпанул щепотку корицы и с удовольствием отпил несколько глотков.

– Ну, так чем нам угрожают Илстром с Радмиром? Кроме отказа в продаже продуктов? Намерены изгнать из городов всех чародеев?

– И это тоже. А еще они собираются закрыть все чародейские лавки и запретить продажу всех наших амулетов и зелий.

– Ну, это они просто пугают. Князья не настолько глупы, чтобы не понимать – от подобных запретов страдают только самые бедные. Торговцы всегда найдут путь обойти запрет и станут продавать зелья богатым покупателям втрое дороже... поэтому будут только рады. Да и нет у них сейчас лишних людей, все в степях за Хорогом.

– Не все... и это самая важная новость. Берест с братом едут сюда.

– Значит, не поверил...

– Лайонис прислал отчет... они устроили ему настоящий допрос. И больше всех старался Даренс, командир тогда еще не поднимался после ранения. Вот он и убедил всех, что Весеника не могла по доброй воле вернуть Дикому браслет и подарки.

– Как жаль, что у него нет сильного дара, – негромко проворчал Феодорис. – Отправь кого-нибудь им навстречу. Не нужно, чтоб они добрались дальше деревни.

– Сам поеду. Еще два дня в запасе. Когда ты собираешься с ней разговаривать? Может, хватит... ждать? Ведь ясно уже, куница скорее умрет, чем возьмет в рот хоть ломтик хлеба. Сколько подносов Варитта вынесла из ее комнаты?

– С балкона. Одиннадцать. Башня уже готова... через полчаса приглашу на разговор.

– Феодорис... я пришел именно по этому вопросу. Позволь мне с ней поговорить?

– Вот, представь себе, я догадался! Кстати... ты уже не первый. Но разговаривать я все же буду сам.

– Это безответственная глупость.

– Спасибо за правду. Мне всегда казалось, будто ты льстишь, называя меня умным и дальновидным. Теперь у меня осталось только одно дело... сохрани вот этот ключ, от моего сундука.

– Мне жаль... – пробормотал Саргенс, делая какой-то знак пальцами, – что ты так упрям...

И потрясенно смолк, разглядев в свете короткой вспышки окружившее магистра сияние.

– Это мне жаль... – с мягкой укоризной сообщил Феодорис и легонько дунул, – и неприятно, когда меня считают безответственным глупцом.

Он встал с места, легко отодвинул от очага кресло с заснувшим другом и засунул ему в карман ключ с замысловатой бородкой. Затем еще раз окинул взглядом столы и шкафы, проверяя, не забыл ли чего, и твёрдым шагом вышел из кабинета.

Засов на двери, открывавшейся каждый день всего два раза, после восхода солнца и перед закатом, звякнул в неположенное время. Всего полдень, глянув за окно, убедилась княжна, не встававшая в последние два дня с постели даже погулять.

Поднималась она лишь для того, чтобы снять со стола ненавистный поднос и вынести на балкон, откуда притворявшаяся служанкой чародейка теперь забирала его, стоило Весе уйти в умывальню.

Впрочем, она постепенно осмелела, заметив, как девушка нарочно отворачивается к окну, когда в ее комнату вносят очередное уставленное запашистыми яствами блюдо.

А Веся только грустно усмехалась. К исходу третьего дня, с того мига как проснулась в этой комнате, девушка была твёрдо убеждена, чародеям от нее что-то нужно. И вовсе не какая-нибудь простая услуга, тем более не ее тело или способности целительницы. Все это они могли получить в первый же день, стоило пригрозить, что устроят ее родным или княжичам какую-нибудь гадость. А тем более жениху... хотя княжна и должна бы считать его бывшим. Ведь с тех пор, как исчез её обручальный браслет, прошло более трех признанных правилами дней.

Но просить или убеждать ее чародеи почему-то не спешат, и Весенике остается только догадываться почему. Стало быть не надеются уговорить добром, да еще и с первого раза, вот и выматывают душу молчанием и непонятной заботой. И это только лишнее доказательство важности цели, ради которой чародеи привезли ее сюда.

– Ты должна пойти со мной, – сурово сообщил мужской голос, и княжна неохотно повернула голову к двери.

Ну наконец-то решились, с невольным облегчением вздохнула Веся, скоро она услышит, зачем понадобилась этим загадочным людям, обособленно живущим в своей Цитадели и не пускающим в нее никого из жителей Этросии. И хотя девушка давно сообразила, что ничего хорошего это знание ей не принесет, отказываться от предложения или просить об отсрочке не стала.

Аккуратно откинула теплое покрывало, села на постели и, поправив подол платья, сунула ноги в низкие, мягкие туфли, найденные у кровати еще в первый день. Именно тогда Весеника выяснила, что все ее вещи исчезли, кроме подаренного старшей матерью браслета, и без стеснения брала в стоящих в предбаннике шкафах платья и рубахи. Никакой одежды, напоминавшей мужскую или походную, там не оказалось.

Привычно поправив одеяло, Весеника накинула на плечи большую вязаную шаль и замерла в ожидании дальнейших указаний.

– Иди, – чародей распахнул дверь шире, и Веся с уже привычным интересом всмотрелась в окружающий его ореол.

И изумленно замерла на месте, сделав очередное открытие. Легкое, едва заметное свечение, окружавшее чародея, было не зеленоватым, как у «служанки», а золотистым, того густого и теплого цвета, какого бывает свежавыкачанный мед.

Девушка мигом представила себе эту картинку: ломоть свежего хлеба, пористый и пышный и стекающее по нему янтарными каплями тягучее лакомство. Непроизвольно слотнула голодную слюну и вдруг почувствовала, как это будет неправильно... глупо и трусливо, если она сейчас обреченно поплетется за ним, пошатываясь от слабости. Или впереди него, не все ли равно?! Важно куда. Ведь если он хочет просто, по-человечески с ней поговорить, не нужно отводить кунцу туда, где уже готовы к ее допросу какие-то особые приспособления.

Весеника резко повернулась, прошла к облюбованному креслу и опустилась в него, чувствуя себя такой же удовлетворенной, как в те минуты, когда убеждалась, что сделала все верно и ее пациентам больше не грозит никакая опасность.

– Весеника? – против воли в строгом голосе чародея скользнуло удивление. – Ты отказываешься повиноваться?

– Нет, – тихо и устало сказала девушка, – ты задал сейчас неправильный вопрос. Я никогда и не обещала повиноваться. Это мне пришла в голову простая мысль. Поговорить мы можем и здесь... нет у меня сил бродить по вашей Цитадели. А если ты хотел меня допросить, то идти туда добровольно неимоверно глупо.

– А ты не задумывалась о том, что своим непослушанием можешь сделать себе хуже? – сухо процедил Феодорис. – Или своим близким?

– Задумывалась, – кротко сообщила куница. – Я уже шестой день только об этом и думаю. И успела понять, хуже, чем вы уже мне сделали, придумать трудно. А близкими пугать меня не нужно. Во-первых, это некрасиво... а во-вторых, я могу не простить.

– И что сделаешь? – Чуткие пальцы чародея шевельнулись, готовясь вызвать силу.

– Как ты неправильно все понимаешь, – печально покачала головой княжна, – и судишь всех по себе.

– С чего ты взяла, что по себе?

– Так ведь это ты сказал, хуже будет мне или близким? Разве это не угроза?

– Но ведь ты понимаешь, что у нас были причины забрать тебя сюда? – не двигаясь с места, процедил гость, и его пальцы сжались, как будто от злобы.

Но княжне, не спускавшей глаз с окружающего его сияния силы, видно было, как оно вспыхнуло чуть ярче, словно успокоившийся огонек свечи. Девушке очень хотелось узнать, означает ли это изменившееся настроение чародея либо нечто другое, но спрашивать она и не подумала.

– Не понимаю, – честно объявила Веся, – хотя, по-моему, вы вообще не имеете права вмешиваться в жизнь этросов. Вы же не давали Совету старших кланов никаких клятв, и они не давали вам права судить своих сородичей.

– Так ты окончательно отказываешься идти со мной? – Нахмурившийся чародей явно не намерен был договариваться со строптивой куницей.

– А как тебя зовут? – миролюбиво спросила Веся, вспомнив наставления Кастины, не раз повторявшей, чем суровее и злее собеседник, тем спокойнее нужно с ним разговаривать. И по возможности осторожно перевести беседу на него самого, но подходить к этому деликатному разговору не торопясь и издалека.

– Феодорис, – холодно обронил он, – а зачем тебе?

– Садись, Феодорис, – кроткая улыбка озарила бледное лицо девушки, – тут удобные кресла.

– Я знаю. – В его голосе проскользнул сарказм, чародей постоял еще с полминуты, сверля княжну свирепым взглядом, затем сжал зубы, шагнул к креслу и сел.

Веся старательно отводила взгляд, чтобы гость не заподозрил, будто за ним пристально следят, но искоса все же поглядывала. И не могла не заметить едкое выражение, мелькнувшее на лице чародея, когда он устроился поудобнее, откидывая голову и кладя чуткие руки на колени.

Такое странно знакомое движение, словно Веся где-то видела его... причем недавно. Милосердные духи, ну как она могла забыть? Старая мельница... грубый голос прадедушки... да, именно в тот счастливый день с Береста слетело проклятье... смешно. Получается, она первой поцеловала своего жениха!

– Чему ты улыбаешься? – мрачно осведомился Феодорис, проклиная себя за то, что не настоял на своём.

Девчонка ведет себя хоть и разумно, на первый взгляд, но совершенно не так, как должна вести обвиняемая в применении проклятых заклинаний одаренная, осознавшая, куда попала.

– Вспомнила одного человека... ты на него необычайно похож.

– Это действительно смешно. – Яд, звучавший в этих словах, казалось, был собран с зубов гадюки. – И кто же он? Из клана Куницы или Барса?

– Мне показалось, он сам по себе, – задумчиво улыбнулась воспоминанию Веся, сделав вид, будто не заметила попытки ее задеть, – хотя должен быть в клане Ястреба.

– Да? – Слова чародея еще сочились прежним ядом, а брови уже нахмурились, как у человека, торопливо перерывающего в памяти всех, на кого он может быть хоть чем-то похож. – А имя у него есть?

– Да, – кивнула Весеника и, жалея, что так некстати припомнила старого мельника, виновато вздохнула, – но назвать его я тебе не могу.

– Почему? – насмешливо изогнулась густая бровь, но на лице Феодориса вдруг мелькнула растерянность, а его сияние стало на миг светлее и лучистее. Чародей недоверчиво уставился на девушку и осторожно спросил: – А если я назову?

– Ты?! – И вдруг Веся отчётливо поняла, он действительно вполне может знать прадедушку княжичей, и значит, она своим болтливым языком навела на старика беду.

Темные силы, вот что делает с людьми голод! Она ведь в этот момент вспомнила суп, каким кормила выздоровевшего Береста!

– Никого ты не назовешь, – сразу сухо отреклась от своих слов княжна и, сжав губы, отвернулась к окну. – Я пошутила.

– Вот как... – Чародей забыл про осторожность, положил руку на соседний столик и выбил на нем ногтями какой-то сигнал. – А можешь ответить на простой вопрос: почему ты голодаешь? Ведь твой браслет защищает... от зелий и ядов.

– А я и не боюсь ни зелий, ни ядов, – печально вздохнула Веся, – и я не голодаю. Я просто не хочу ничего есть в этом доме.

– Но ведь мы можем накормить тебя силой! – Феодорис сразу понял, какой закон не желает преступить куница: гостеприимства!

Она не желает ничем быть обязанной жителям Цитадели, ведь по закону северных кланов гость обязан уважать хозяев дома, где с ним разделили хлеб. И по возможности помочь, если потребуется. Следовательно, она не желает их уважать и не согласна ничего для них делать, даже под страхом смерти. Вот же упрямая куница!

И выходит, зря они тратят на нее время и силы, раз она уже сама себя приговорила! А жаль... ох, как жаль! Но остается только один шанс... крохотный и неверный... но, похоже, единственный.

– Можете, – помрачнела Веся, – но это будет принуждение. А принуждение за гостеприимство не считается.

Ну вот, она и подтвердила его подозрения. Значит, и в самом деле готова умереть... Дурочка малолетняя. Да только он сам вовсе не безответственный глупец, как обозвал сегодня Саргенс, а рассудительный и опытный магистр. Ну надо же, как задел его слова друга, желчно усмехнулся чародей и, строго уставившись в необыкновенные глаза княжны, отчеканил:

– Я, глава Цитадели чародеев, верховный магистр Феодорис, клянусь своей силой и всем, что для меня свято, приказать тебя немедленно сжечь на костре, если ты не прекратишь истязать себя голодом! – сердито посопел и добавил ворчливо: – Чего дать для начала, отвара или простокваши?

Весеника ошеломленно рассматривала Феодориса, стараясь понять, правильно ли поняла это объявление и что мог значить зелёный всполох, промелькнувший в ореоле чародея.

– Лучше стакан простокваши, – не найдя в его словах тайной лазейки, наконец согласилась куница и сделала себе крохотную поблажку, какую не позволила бы пациенту. – И маленький сухарик.

Глава восьмая

– Где Веся? – едва распахнув глаза, хрипло произнес Берест, и откашлявшись, повторил вопрос. – Весеника где?

– Пока ты не выпьешь навар, я на вопросы отвечать не стану! – сухо объявил Ансерт, пряча глаза.

– Анс... а ты не забыл, кто из нас старше?

– Для лекаря возраст подопечного не имеет значения.

– А то, что я твой командир?!

– Звания и знатность, а также размеры замка и казны тоже не важны, когда речь идет о здоровье пациента!

– Согласен, – прищурился командир, – но я не твой пациент. Меня Веся лечила... я помню, как очнулся в лодке. А сейчас я себя чувствую намного лучше... и хочу знать, что с моей невестой?!

– Ты можешь ругаться, выгнать меня из отряда и вообще делать все, на что хватит совести... но пока не поешь, я ничего не скажу.

– Темная сила... все так плохо? – Бересту припомнилось, как падала побледневшая княжна, как тащил ее на руках какой-то мужик... – Куда она делась? Анс, я съем твой проклятый навар, только скажи... она жива?

– Жива, – несчастно промямлил алхимик. – А теперь ешь... ты пообещал!

– Да, пожалуйста. – Берест взял в руки миску и прямо через край принялся глотать мясной навар, как глотает измученный жарой путник долгожданную воду. – Вот и всё. Теперь давай одежду. И рассказывай, как её найти.

– Берест, – в дверь ворвались Даренс с Ранзелом, – как ты себя чувствуешь?

– Как тэрх. Кто меня проводит к Весе?

– Ансерт. – Даренс сел на стул напротив него и уставился в лицо другу необычайно серьезным взглядом. – Мы все обсудили и решили, с ним тебе будет лучше всего. А мы поделим отряд между собой... до вашего возвращения.

– Откуда? – замер командир и отпустил застёжку куртки. – Откуда мы вернемся? Да чего же вы все загадками разговариваете, можете мне прямо сказать?

– Можем, – пробасил Ранзел, – но ты не волнуйся... её чародеи забрали.

– Кто?! – ошеломленно переспросил Берест и оглянулся на брата. – А почему вы отдали?

– Нас там не было... мы под Турой бились. Пока все переправились, туда вторая орда подошла... хорошо, что из первой большая часть хингаев к мосту умчалась, лодки ловить. А вот селяне пытались Весю не отдавать, она ведь всех их спасла... – Даренс сглотнул и смолк.

– Дальше!

– Говорят, как в варенье попали... ни рук поднять, ни ног вытянуть, – хмуро пояснил Ансерт, и Берест вдруг отчётливо понял, сейчас они говорят правду... но чего-то все же не договаривают.

– А что было потом? Ну, не тяните! Даренс!

– Я не могу... пусть Ранз.

– По-вашему, Ранз самый толстокожий, – обиделся вдруг богатырь, – и бессердечный.

– Ранз, ты просто самый смелый... – мягко сказал Берест, уже сообразивший, братья сейчас просто не представляют, как сообщить ему очень неприятное известие, и отлично их понимал.

Сам точно так же мучился, когда приходилось сообщать кому-то плохую весть. Но раз Веся жива, он её из Цитадели вытащит. Не имеют они права решать судьбу просватанной невесты без жениха и его родни. Ради Весеники Ардест готов отца умолять, у дяди прощения про-

силь, к матери в ноги кинуться... хотя отец и запретил расстраивать княгиню. Да и Радмиру написать нужно... он ради дочерей на все пойдет, это Берест теперь точно знал.

– Для того чтобы человеку такие вещи говорить, не смелым нужно быть... – мрачно рыкнул тот, – а сумасшедшим. Но раз вы хотите, я скажу. Но сразу предупреждаю, хотя я тут спорил с ней... когда она из Кладеза ушла, но вовсе не считал Весю злой или жестокой. Поэтому я не верю, будто она могла сама все отдать... наверняка они отобрали, пока куница без сознания лежала.

– Да что такое отобрали-то, вы скажете наконец или нет?! – обозлился командир, снова понимая неведомым чувством правоту брата.

– Вот... – горько поджав губы, подал ему Ансерт деревянную шкатулку.

Берест почти вырвал ее из рук, резко распахнул и застыл, неверяще глядя внутрь. Туда, где на куске полотна лежал его обручальный браслет, преподнесенное Весе ожерелье и шкатулочка с украшениями. Серьги, диадема и ожерелья из камней сиреневого цвета, лучшие, какие он нашел в своём сундучке. И Весе они нравились... Берест подсмотрел, с каким удовольствием невеста перебирала камушки.

Следовательно, прав Ранзел, у неё все это отобрали. И в таком случае нужно не просто ехать, а мчаться, не останавливаясь ни на минуту.

– Ансерт, ты готов?

– Да. И тэрхи ждут... и Ныр с Рыжем. Думаешь, я зря просил тебя сначала поесть?

– Явились!

– Доброе утро, дед, – вежливо ответил Ансерт.

– С чего это оно у вас так подобрело?!

– А с чего ты сегодня такой ядовитый? – устало осведомился Берест. – Вроде никого чужого мы не привезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.